

Опьяненный любовью

Автор:

Салли Маккензи

Опьяненный любовью

Салли Маккензи

Шарм (АСТ)

Что делать молодой женщине, опозоренной и погубившей себя? Одинокой, незамужней матери с ребенком на руках?

Пенелопа Барнс не унывает, она твердо решила забыть своего соблазнителя, легкомысленного графского сына Гарри Грэма, заработать состояние на таком «неженском» занятии, как пивоварение, и принять предложение руки и сердца честного сельского священника, готового стать отцом ее дочке.

Но однажды на ее пороге возникает призрак прошлого –

Гарри, который вернулся в Англию с полей Наполеоновских войн и уже самим своим появлением грозит разрушить и ее планы, и надежды навсегда выбросить его из памяти и из сердца...

Салли Маккензи

Опьяненный любовью

Sally MacKenzie

WHAT ALES AN EARL

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения Kensington Publishing Corp. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Sally MacKenzie, 2018

© Перевод. А. Л. Уткин, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Глава 1

«Она очень красива».

Гарри Грэм, граф Дэрроу, стоял в музыкальной гостиной герцога Грейнджера и слушал, как леди Сьюзен Палмер, дочь графа Лэнгли, говорила о... О чем? Ах да, о платье, увиденном ею на балу – у леди Нортон? – во время сезона.

Сьюзен Палмер была красива той чисто английской красотой, по которой он истосковался за долгие годы, проведенные в Европе. Фарфоровая кожа. Светлые волосы. Голубые глаза.

«Темно-синие, а не бледно-голубые, как у Пен...»

– ...И тогда я спросила леди Сакли, как зовут портниху, сшившую это платье, хотя уже знала ответ. Я просто пыталась завязать разговор. И она сказала...

«Интересно, как там Пен? Наверняка уже вышла замуж и нарожала кучу детишек».

Приехав в Англию, Гарри надеялся с Пен встретиться – встретиться как старые друзья, разумеется, – но узнал, что вскоре после его отъезда на континент она покинула Дэрроу.

Больше вопросов Гарри не задавал. Неприлично новому графу интересоваться дочерью арендатора. Кое-кто мог бы вспомнить, сколько летних деньков они провели вместе накануне его отъезда на войну с Наполеоном.

Ничего скандального в их связи не было. Его братец Уолтер в юности щедро разбрасывал семя местным девицам, и всходы оно дало обильные. Бастардов старший Грэм наплодил столько, что их даже прозвали Уолтеровым отродьем. Выделялись они сразу – у всех была характерная для Грэмов яркая седая прядь в темных кудрях.

Гарри нахмурился. С Уолтером он не любил равняться ни в чем, в особенности по этой части. Он тоже не монах, но к возлюбленным относился куда уважительнее брата. Предохранялся, по крайней мере, чтобы не подарить им ребенка.

Благоволили эти девицы и матроны не к одному Уолтеру. Серьезное соперничество ему составлял сын кузнеца Феликс. И очень часто, если не появлялась проседь Грэма, ни одна живая душа, включая мать ребенка, не знала, кто его отец.

И лучше, если им оказывался Феликс. Если у женщины имелся муж, он был обречен на вечное неведение о своих рогах. Гарри до сих пор помнил, как в поисках старшего брата к ним однажды явился арендатор с вилами наперевес. Обычно проседь Грэма проявлялась у ребенка в возрасте двух-трех лет, но у первенца этого несчастного – в десять.

– ...Именно! Я так рада, что вы со мной согласны, лорд Дэрроу.

Гарри вновь вернулся мыслями к леди Сьюзен. Боже, он понятия не имел, о чем она болтала. Полностью утратил связь с реальностью. На службе Грэм никогда не допускал такой невнимательности к окружающей обстановке.

Гарри заставил себя сосредоточиться на происходящем. В конце концов, он пообещал матушке жениться. И сегодня вечером собирался сделать предложение.

Леди Сьюзен засмеялась:

– ...По правде говоря, я поразилась мадам Мерчант...

– Маршан, – поправил Гарри, произнеся фамилию по-французски.

Скорее всего, леди Сьюзен все еще щебетала о платье.

«Если я затащу ее в кусты, она, по крайней мере, рот закроет».

Однако Гарри тут же подумал, что спорить об этом не рискнул бы. Поток ее словоизвержения не остановит, пожалуй, даже поцелуй.

– Мадам Маршан, – повторил он. – У нее магазин рядом с Бонд-стрит.

– О да! Думаю, вы правы, – фыркнула леди Сьюзен. – Как я сказала...

Вполуха прислушиваясь к монологу леди Сьюзен, мыслями Гарри вновь унесся прочь, на сей раз к французской портнихе. В Лондоне он пару раз заходил к Бернадин. С ней Гарри любил оттачивать французский и другие... навыки. Но если он женится...

Впрочем, если Гарри женится, в особенности на леди Сьюзен, ему не придется менять привычки. Может, она будет ему еще и благодарна за удовлетворение мужской похоти на стороне.

И он женится на леди Сьюзен, если она позволит ему вставить хоть словечко. Никогда еще ему не попадалась особа, умевшая так бойко болтать ни о чем.

«Неужели я и правда хочу жениться на этой болтушке?»

Нет, Гарри не хотел, но выбор у него был небогат. Леди Сьюзен была лучшей из списка матушки. Мать предельно ясно растолковала сыну все, едва он после почти десятилетнего пребывания за границей переступил порог Дэрроу-Холла: ему следует поскорее жениться и обзавестись наследником.

Гарри был в Париже, когда узнал, что Уолтер сломал себе шею, упав с лошади. Боже, он никогда не забудет, что почувствовал, прочитав то письмо. Ему будто врезали под дых, а потом добавили кирпичом по затылку.

«Я никогда не думал быть графом. И никогда не хотел».

Ему нравилась его жизнь. Последние десять лет Гарри провел в Португалии, Испании, Франции, Австрии, постоянно рискуя, но зато голова не болела ни об урожае, ни о дренажных канавах, ни о протекающих крышах.

Однако теперь он граф и обязан думать о продолжении рода. Да и смерть Уолтера слишком убедительно продемонстрировала, что каждый твой день на этой земле может стать последним.

На что матушка самым красноречивым образом и указала. Гарри, тебе необходим наследник, без обиняков заявила она. Откладывать нельзя. Уолтер погиб, хотя ему было всего тридцать пять. И, как наглядно продемонстрировал тот же Уолтер, Гарри не гарантировано зачать сына с первой же попытки. Да и со второй. Или с третьей. Его невестка, Летиция, рожала ежегодно: Ариадна, Бьянка, Сибил. До мальчика ей с Уолтером могло не хватить букв алфавита, а потом последовали три выкидыша подряд, после чего, по слухам, она отказалась делить с Уолтером супружеское ложе.

Итак, матушка вручила Гарри составленный ею список подходящих благородных девиц непременно с несколькими братьями. От него требовалось лишь выбрать одну, жениться и начать остервенело спариваться.

Впрочем, последнего матушка не предписывала, по крайней мере, прямо. Тем не менее смысл ее слов был предельно ясен: чем скорее он обзаведется наследником, а желательно и парочкой таковых, тем лучше.

Она хотела, чтобы Гарри выбрал сразу же из списка, вслепую, но он сумел настоять на необходимости личной встречи с кандидатками, ведь когда он

покинул Англию, те еще в школу ходили. И стороны достигли компромисса. Матушка согласилась не наседать на него и дала на выбор невесты год. А в конце сезона готова была принять его суженую.

Сезон заканчивался в июне. Ни одной особы, заставившей его сердце или хотя бы куда менее благородный орган возжелать близости, Гарри не встретил, но слово держать приходилось. И он выбирал.

Леди Сьюзен подходила не хуже, а возможно, и лучше других. По крайней мере, ей было уже за двадцать и она была старше остальных в списке. Матушка явно предпочитала дебютанток, полагая преимуществом отроковиц их более продолжительный детородный период, но Гарри одна лишь мысль о том, что придется делить ложе с наполовину еще ребенком, внушала отвращение. А так как леди Сьюзен, насколько он мог судить, нежных чувств к нему не питала, то ее не должна была оскорбить и его неспособность испытывать сходные чувства к ней.

Гарри лишь надеялся не оглохнуть от ее постоянной болтовни.

К тому же на нее и взглянуть приятно. Дэрроу-Холл обширен. И разминуться с ней там труда не составит, а в Лондоне Гарри все время проводил бы в клубах. За исключением исполнения неизбежных супружеских обязанностей. Ребенка он, если повезет, сделает ей в первую же брачную ночь, и двое их первенцев точно будут мужского пола.

Рассуждения леди Сьюзен о моде не обнаруживали ни малейших признаков спада, а время неумолимо шло. Гарри физически ощущал буравившие спину взгляды матушки и невестки. Это был последний день загородного приема. От него ожидали приглашения девушки на прогулку на лоно природы, где ему следовало ее поцеловать и узнать, не будет ли она возражать, если он попросит у отца ее руки.

Разумеется, не будет. Иначе леди Сьюзен не было бы на этом чудовищном приеме. Ее батюшка, скорее всего, уже где-то затаился, дожидаясь появления Гарри.

У Гарри свело живот, и, чтобы успокоиться, он глотнул бренди. На войне Гарри попадал в передряги и похуже. Совместная прогулка по саду его не прикончит,

если он, конечно, не утонет в неиссякаемом словесном потоке леди Сьюзен.

Чем скорее Гарри женится и обзаведется сыном, тем скорее вернет свою жизнь в привычное русло. К тому же брак по любви никогда не казался ему панацеей. Черт, он бы и любви не знал, не укуси она его за задницу.

«Больше всего на любовь походило то, что было у меня с Пен...»

Ха! Ему было восемнадцать. Что он знал о любви? Ничего. Его чувства были примитивной похотью.

Союз с леди Сьюзен станет типичным браком по расчету. Деловым контрактом: титул, престиж и богатство в обмен на сына или двух сыновей. Сделка в свете весьма заурядная. Насколько его жена – леди Сьюзен – исполнит свою часть договора, настолько будет вольна поступать как ей заблагорассудится, если, конечно, примет разумные меры предосторожности.

Гарри надеялся лишь на то, что обретет наследника проворнее, чем Уолтер. Нет смысла оттягивать неотвратимое.

Он уже раскрыл рот, чтобы произнести слова, которые решат его судьбу, как вдруг комнату осветила вспышка молнии, потом прогремел сильный раскат грома и хлынул проливной дождь.

Господь его миловал. Сегодня вечером прогулки в саду не будет. Но Господь был не в силах остановить болтовню леди Сьюзен.

Ни на миг.

– Надо же, какой сюрприз. Не люблю гроз. Прошлым летом я попала в ужасную грозу...

Не обречен ли он теперь слушать отчет о каждой капле дождя, когда-либо упавшей на прелестную головку леди Сьюзен?

Нет. Вошел герцог Грейнджер и завершил начатое Всевышним.

– Добрый вечер, леди Сьюзен, – произнес герцог в возникшей с его появлением тишине. – Надеюсь, вы не будете возражать, если я похищу Дэрроу? Уже поздно, а у меня есть срочное дело, которое нам необходимо обсудить с глазу на глаз.

Гарри огляделся и с удивлением обнаружил, что почти все, кроме матушки, невестки и тихо потягивавшего херес старого лорда Пемблетона, ушли.

– О? – Леди Сьюзен неуверенно посмотрела на Гарри. – Однако я полагала... то есть я ожидала... – Она нахмурилась. – Лорд Дэрроу, меня предупреждали, что вам с герцогом нужно обсудить нечто очень важное и интересное.

«Тогда зачем ты все уши мне прожужжала о платьях?»

Гарри открыл рот, еще не зная, что сказать, но Грейнджер, похлопав его по спине, заговорил первым:

– Ну, ваше дело молодое. Не так ли? Не сомневаюсь, оно подождет. А мое, к сожалению, нет. Пожалуйста, простите нас. – И с этими словами увел Гарри.

Гарри был не из покорных, но идиотом тоже не был. Он увидел в появлении герцога спасение от нависшей над ним опасности. И безропотно и быстро последовал за своим спасителем, пока они не оказались за закрытой дверью кабинета Грейнджера.

– Черт возьми! – Гарри плюхнулся в одно из кожаных кресел, стоявших у камина.

Грейнджер рассмеялся и поднял хрустальный графин.

– Выпьете еще бренди? – ухмыльнулся он. – Здешний лучше того, что вы пили в той комнате.

Гарри осушил стакан и протянул его Грейнджеру.

– Вы понимаете, мне следовало закончить разговор с леди Сьюзен.

Грейнджер усмехнулся, пододвинул кресло напротив Гарри и поставил графин на столик между ними.

– Мне остается только пожелать вам закончить разговор с этой женщиной. – Он поднял бровь. – Вы ведь понимаете, что я имею в виду?

– Если вы имеете в виду, что я собирался сделать ей предложение, то да, собирался.

Грейнджер пожал плечами с выражением отвращения и сочувствия на лице.

– Предложение этой сороке? Вы оглохните еще до конца свадебной церемонии, – фыркнул он. – Держу пари, чтобы произнести свою клятву, вам придется заткнуть рот этой женщине.

Возможно.

– Она очень красива.

– Тогда закажите ее портрет и повесьте в кабинете. Портреты молчат.

Если бы это решило проблему.

– Я обещал матушке, что к концу сезона найду жену.

Грейнджер брезгливо сморщил нос.

– И вы выбрали леди Сьюзен?

Гарри пожал плечами, сделал еще глоток бренди и уставился на огонь.

– Я не хочу жениться на девчонке, вчера покинувшей школу. Леди Сьюзен подходит.

– Подходит для чего? Чтобы свести вас с ума? Уверяю вас, ей это удастся, вы и оглянуться не успеете. – Грейнджер поморщился. – Я имел несчастье сидеть рядом с ней не за одним обедом. Губы двигаются, слова вылетают. Большая часть даже имеет смысл, но они настолько изнурительно скучны, что вам хочется взять нож и перерезать себе горло, чтобы положить конец собственным

страданиям. – Он покачал головой. – Она никого не слушает. Никогда. Я бы не пожелал ее в жены даже своему злейшему врагу. Если женитесь на ней, и я никогда больше вас сюда не приглашу. Я слишком дорожу своим здравым умом. Господи, клянусь, каждое ее слово лишает меня частички рассудка.

Грейнджер несколько преувеличивал.

– В таком случае зачем вы пригласили ее на этот прием?

Ясно, что это не в обычаях деревенского общества. Гости тут постарше, ни одной девчонки. Уместнее было бы пригласить несколько вдов, обремененных малыми детьми, думай Грейнджер о повторном браке. Жена Грейнджера умерла несколько лет назад, сразу после рождения сына.

– Боялся лишить вас попутного ветра. Мне не хотелось бы вставлять вам палки в колеса. Я просто надеялся, что продолжительное общение с этой особой приведет вас в чувство, – с надеждой произнес Грейнджер. – Итак?

Гарри ничуть не смутился.

– Грейнджер, кажется, вы упускаете суть. Мне нужен наследник. Следовательно, мне нужна жена.

– Но зачем брать в жены именно леди Сьюзен? – Грейнджер налил им обоим еще бренди. – Что за спешка? Вам еще и тридцати нет.

– Верно, однако неожиданная смерть брата – Уолтеру было всего тридцать пять – вынудила меня... – Может, сказать все начистоту? – На самом деле насчет будущего пекутся как раз матушка и невестка. При отъезде отсюда моя карета может перевернуться, а я – сломать себе шею.

– И поэтому предпочтительнее жениться на леди Сьюзен?

У Гарри бренди едва не пошло носом.

– Этого я не говорил.

Хотя, если признаться, он во многом соглашался с Грейнджером.

«Я действительно предпочел бы смерть женитьбе на леди Сьюзен?»

Конечно, нет.

Грейнджер скептически поднял бровь, но спорить не стал.

– Разве у вас нет кузена или дальнего родственника, который унаследует имение в случае вашей безвременной кончины? – спросил он.

Гарри кивнул:

– Есть. Очень дальний кузен по линии прадедушки.

– И это будет для вас таким страшным несчастьем? – совершенно спокойно спросил Грейнджер.

Разумеется, герцог не видел проблемы в том, чтобы оставить все как есть... Гарри даже не знал имени родственника, стоявшего за ним в очереди за графским титулом. А Грейнджер обязан своему титулу именно поискам отдаленных листочков фамильного древа. До нынешней весны он был просто Эдвардом Расселом, лондонским адвокатом, но тут четвертый герцог Грейнджер вместе с женой и детьми внезапно и скоропостижно умерли от инфлюэнцы.

Гарри пожал плечами, признавая за Грейнджером правоту.

– Может, и нет, но мама и Летиция не желают, чтобы их налаженной жизни пришел конец.

Вторая бровь Грейнджера устремилась вверх, а потом обе они мрачно сдвинулись к переносице. Он явно прикусил язык.

Ну да, Грейнджера не обременяли – э, не осчастливливали – родственницы.

– Не берите в голову, – сказал Гарри.

Грейнджер усмехнулся.

– Безусловно, это не только из-за них, – продолжил Гарри. – Я ответственен за всех людей в поместье.

Может, он и не думал становиться графом, но годы армейской и государственной службы приучили его заботиться о подчиненных.

Грейнджер, казалось, продолжал сомневаться.

– Понимаю. Ну в таком случае простите, что ставлю вам палки в колеса. Надеюсь... На самом деле не надеюсь, поскольку хуже нет надеяться на что-либо, однако, если вы действительно решились, думаю, вы сможете сделать предложение леди Сьюзен утром.

Гарри хмыкнул и хлебнул бренди. Он никогда не был в восторге от перспективы сделать предложение леди Сьюзен, но теперь вдруг почувствовал себя в западне.

Вспышка Грейнджера взломала двери в его тюрьму. У него возникло сильнейшее желание сбежать. Должно быть, во всем виновато бренди.

Гарри сделал еще глоток.

– Итак, Грейнджер, у вас ведь ко мне срочное дело. Или это был всего лишь предлог увести меня от леди Сьюзен?

Грейнджер налил в бокалы бренди. Будь Гарри по натуре человеком подозрительным, он непременно решил бы, что герцог пытается его напоить, чтобы таким образом он позабыл о том лучшем, что в нем было, – о чувстве долга, ответственности.

– Правда, – сказал Грейнджер. – Впрочем, не такое уж и срочное.

Видимо, Гарри зарычал, потому что Грейнджер улыбнулся:

– Оно требует сохранения тайны, а я знаю, вы выполняли секретные задания короны.

«Я не попадусь на удочку...»

Гарри не сдержался:

– Рассказывайте!

Грейнджер сразу заставил его посерьезнеть, хотя сам герцог при этом не удержался от едва заметной улыбки.

– Я просмотрел бухгалтерские книги поместья. Они в полном беспорядке.

Гарри кивнул. Книги Дэрроу не так плохи, однако загляни в них человек без опыта, ему в них ни за что на свете не разобраться.

– Насколько я знаю, поместье уже более десяти лет оказывает поддержку кому-то или чему-то в деревне под названием Литтл-Падлдон.

Гарри нахмурился:

– Никогда ни о чем подобном не слышал. И что вы имеете в виду, говоря кому-то или чему-то?

Грейнджер пожал плечами.

– Есть лишь запись о получателе «Дж. С. В.». Это может означать все что угодно.

Гарри засопел.

– Возможно, «Дж. С. В.» – бастард старшего герцога.

Герцог нынешний скривился:

– Да, это приходило мне в голову.

– Что об этом говорит управляющий?

Грейнджер провел рукой по волосам.

– В том-то и дело. Парень оказался здесь во время эпидемии, тоже заболел и умер. Кажется, никто ничего об этом не знает.

Гарри нахмурился:

– Странно.

Грейнджер кивнул:

– Очень. Однако сумма мизерная, выплачивалась раз в год. Неудивительно, что на нее не обратили внимания. До сего дня и я не придавал ей значения, – пожал он плечами. – Срок аннуитета, то есть годовой выплаты, был две недели назад, но я велел задержать платеж до выяснения обстоятельств. Я хотел поехать в Падлдон, как только закончится уборочная страда, и все там разузнать.

Теперь пришел черед Гарри удивленно поднять брови.

– Герцог Грейнджер собирается ехать в какую-то захудалую деревушку? Это заставит все ваше окружение молотить языком на предельной скорости.

Грейнджер засмеялся:

– Сомневаюсь, что меня кто-нибудь узнает, я не собирался трубить в фанфары. Я поеду верхом и под своей фамилией вместо титула. Тем не менее... – Он с надеждой взглянул на Гарри. – Признаю, маскироваться я не умею.

– Я умею. – Гарри понял, куда герцог клонит.

– Именно. Если меня раскроют, может быть весьма неловко, в зависимости от того, что я обнаружу. Поэтому я подумал, что как имеющему опыт маскировки и расследования этим делом лучше заняться вам. – Грейнджер усмехнулся. – Кстати, это даст вам возможность отдохнуть от леди Сьюзен и уговоров ваших

родственников.

«Верно».

– Хотя я часто задавался вопросом, как вам удавалось не привлекать к себе внимание в Европе... – Грейнджер указал на висок Гарри. – Эта седая прядь – наклеенное на лоб сообщение об имени.

Седая прядь, ярко контрастирующая с темными волосами, выделяла Гарри в толпе, хотя он удивился бы, знай кто-нибудь фамильную отметину Грэмов в Литтл-Падлдоне.

– Эту проблему решит капля черной краски.

Мысль о бегстве от матушки, Летиции и леди Сьюзен, о возвращении, пусть на короткое время, к подобию прежней жизни была чрезвычайно привлекательной.

«Всего на несколько дней. Так скоро леди Сьюзен ни за кого замуж не выйдет».

С облегчением Гарри подумал о том, что и за него тоже.

«Это будет моя последняя шалость. Потом я стану образцовым графом».

Гарри колебался не больше мгновения.

– Ну что ж. Я буду рад, если смогу что-то найти. – Точнее было бы сказать: «Я буду в восторге». – Поеду утром.

Грейнджер поднял стакан.

– Великолепно. Могу я предложить вам поехать раньше, до того как проснутся женщины? Я скажу им, что вы уехали помочь мне в срочном деле, – широко улыбнулся он, – и обещаю не выдавать им место назначения.

Глава 2

Пенелопа Барнс сидела рядом с дочерью Гарриет и пристально смотрела на викария, поднимавшегося по ступенькам кафедры.

Чуда, к сожалению, не произошло, и пока она спала, преподобный Годфри Райт не превратился в принца. Водянисто-голубые, чуть навывкате глаза, как и прежде, напоминали ей земноводное. А если добавить к этому редящие каштановые волосы, крючковатый нос, скошенный подбородок и солидное брюшко, скрытое сейчас церковным облачением...

Тьфу.

«Ты знаешь, что на пастбищах Литтл-Падлдона худых холостяков не водится, – строго напомнила Пенелопа себе. – Годфри – лучший, твой единственный шанс вытащить Гарриет из приюта».

Ради Гарриет она пойдет на все, даже замуж за Годфри.

И что тут в самом деле такого? Единственным мужчиной, заставлявшим ее сердце биться чаще, был Гарри Грэм. Теперь Пенелопе надо быть разумной, а викарий – выбор разумный: он уже достаточно зрелый, чтобы отбросить юношеские глупости, но еще не настолько старый, чтобы впасть в маразм.

Внезапно перед ее мысленным взором возникла мерзкая картина обнаженного Годфри, приближающегося к их супружескому ложу. Ей сделалось дурно.

«Хилый старик, возможно, был бы лучше».

Глупость. Пенелопа, или просто Пен, нахмурилась и выпрямилась, сясь побороть тошноту. Ей хотелось подарить Гарриет сестренку. Пен сама была единственным ребенком в семье и всегда мечтала о брате или сестре. Годфри Райт – священник, он больше погружен в мир духовный, а не физический. Потому и желание у него, скорее всего, умеренное. Вполне вероятно, что часто исполнять супружеский долг он не станет – только чтобы зачать ребенка. И если

Пен посчастливится, она уже в брачную ночь понесет.

Пен с радостью исполнит и любые другие женские обязанности в обмен на кров для себя и Гарриет. Кров, под которым не будет Верити Льюис.

– Угомонись!

Пен подскочила и посмотрела на дочь, но лишь заметив, как Годфри замер на полуслове и повернул голову к ним.

Черт! Сейчас она не могла допустить, чтобы викарий сердился на Гарриет.

Ее упрямая дочь виду не подала, что заметила обращенные на нее взгляды. Ее всецело занимала Верити, одиннадцатилетняя девочка, сидящая на скамье позади них. Верити уставилась на свои руки, лежащие на коленях. Внешне – сама невинность, если бы не легкая усмешка на губах и хихикающая по соседству главная ее сообщница Марта Холл.

«Господи, что эта девчонка вытворяет на этот раз?»

Уже привычная злость, боль и отчаяние захлестнули Пен, когда, наклонившись к дочери, она прошептала:

– Тише, Гарриет! Ты мешаешь мистеру Райту и другим прихожанам.

Именно из-за Верити Пен нужно как можно скорее вытащить Гарриет из приюта для вдов и сирот.

Пен носилась с мыслью выйти за Годфри едва ли не с весны, когда он приехал в деревню. Ей страшно надоело делить кров со множеством женщин, хотелось, чтобы Гарриет росла в настоящей семье. А когда порог приюта переступили Верити и ее мать Розамунда, ее решимость в отношении Годфри окончательно окрепла.

Она пыталась Верити оправдывать: новым девочкам часто непросто прижиться в приюте. Да, Верити и Розамунде здесь всего месяц, но каждый следующий день был хуже предыдущего. Верити настраивала против Гарриет остальных девочек.

Каждый подавленный смешок, каждый грубый шепот бесили Пен, а обиженное и растерянное выражение лица Гарриет разрывало ей сердце.

Однако до вчерашнего утра Пен держалась изо всех сил, пока не услышала, как Джулиет Уокер, лучшая и единственная подруга дочери, сказала Гарриет, что Верити запретила с ней играть.

От этого воспоминания у Пен до сих пор вскипает кровь, даже в церкви.

И она могла поклясться, что сегодня утром еще что-то произошло. Гарриет была сильно расстроена, когда выходила из приюта, чтобы идти на службу.

Голубые, тот-в-точь как у нее, глаза Гарриет горели.

– Мама, Верити дергала меня за волосы, – гневно прошептала она.

Пен не удержалась и оглянулась на Верити.

Верити самодовольно усмехалась.

«Противная маленькая чертовка! Я тебе...»

Нет.

Пен заставила себя глубоко вдохнуть. Как бы ей ни хотелось надрать Верити уши, Верити лишь девочка – гадкая, коварная, но девочка.

– Может, она не специально? – спросила Пен.

Да. Но ни она, ни Гарриет в это не верили.

Гарриет помрачнела.

– Нет, специально. Она...

Пен дернула Гарриет за руку, поймав осуждающий взгляд Годфри. Всякий раз, когда преподобный сердился – слишком часто, к сожалению, – он раздувал ноздри и морщил нос, словно вдохнул смрад свиней фермера Смита.

– Потом поговорим. А сейчас внимательно слушай мистера Райта.

Гарриет нахмурилась, недовольно вытянув нижнюю губу, но язычок, слава богу, прикусила.

Пен немного расслабилась и снова обратилась к Годфри. Он посопел и загнусавил проповедь.

Нет, говорил он проникновенно, интересно, серьезно...

О, зачем притворяться? Проповеди Годфри позволяли отвлечься и унести мысли куда угодно.

Пен сделала серьезное лицо. В двадцать семь лет она прекрасно научилась прятать скуку под нужной маской – и думать о своем. Даже заставь она Годфри сделать ей предложение сегодня, три недели им придется ждать оглашения возражений. Гарриет не может страдать так долго. С Верити необходимо что-то делать.

Пен после случая с Джулиет Уокер пожаловалась Джо. Приют – детище Джо, и она его полная хозяйка. Однако Джо – чертова святая – посоветовала проявить терпение и понимание, подставить вторую щеку.

Ну уж нет! Речь идет о Гарриет. У Джо детей нет, и ей не понять яростное желание Пен защитить Гарриет. Ради дочери она бросится на самого принца-регента.

«Если потребуется, я даже пригрожу уйти с работы».

Пен напряглась. Раньше эта мысль не приходила ей в голову.

«Я и правда смогу уйти?»

Под ложечкой засосало. Приют стал соломинкой, за которую Пен ухватилась, когда река жизнь грозила унести ее и Гарриет в открытое море. Не Расскажи ей о приюте на следующий день после смерти тети Маргарет подруга тетушки миссис Симпсон, Пен с восьмимесячной дочуркой спала бы под забором.

Но и для приюта ее появление оказалось благом. Она понимала в сельском хозяйстве – отец пил, и на плечах Пен лежали заботы о ферме. Она управлялась с садом и полем, возрождала заброшенный хмельник. Пен вместе с товаркой по приюту Каролиной Андерсон решила заняться пивоварением, поддерживая Джо, постоянно нуждавшуюся в деньгах на приют, и результат превзошел самые смелые ожидания.

Нет, трудности еще далеко не позади. Два последних лета погода стояла ужасная и урожай был ничтожный, но они выдержали, и в этом году все выглядело намного, намного лучше. Соплодия хмеля висели почти готовые к уборке.

Она и правда все это бросит?

Да. Бросит. Счастье Гарриет важнее всего. И уйдет Пен не для того, чтобы целыми днями сидеть без дела. У нее будут новые обязанности – жены викария. Пен будет заботиться о Годфри и нуждах его прихожан.

У нее свело живот. Чем меньше она будет думать о нуждах Годфри, тем лучше.

– Ох!

Это опять Верити.

Девочки завладели вниманием Пен. Верити закрыла голову руками, шляпка ее съехала набок.

Гарриет же вознесла над головой псалтырь.

– Только тронь меня еще раз – ударю посильнее! – прозвенел во внезапно наступившей тишине голос Гарриет.

Все прихожане замерли в ожидании грандиозного скандала. Годфри откашлялся.

Оставалось только бежать. Пен схватила Гарриет за руку и, сорвав со скамьи, по проходу потащила за собой.

– Извините меня. Простите. Гарриет нужно на воздух.

– Мама, – сказала Гарриет, когда у них за спиной захлопнулась тяжелая деревянная дверь церкви.

– Не сейчас.

Кто-то из паствы Годфри вполне мог при внезапном приступе любопытства последовать за ними.

Пен стащила Гарриет по ступеням церкви, проволокла по зеленой деревенской улице, через мост... Только на холме, на полпути к усадьбе, девочка вырвала руку и остановилась.

Пен посмотрела в лицо дочери и почувствовала, как сжалось сердце. Непреклонным взглядом, упрямством и горячностью Гарриет напомнила ей Гарри. Пен испытала прилив гордости, любви и тревоги. Подобная уверенность в себе и независимость восхищают в мужчине, особенно в мужчине, получившем графский титул. А деревенской девочке без отца они могут навредить.

– Мама, я не раскаиваюсь, что ударила Верити. Она подлая!

– Гарриет... – Как бы Пен ни была согласна с дочерью, насилие поощрять нельзя. – Верити в приюте новенькая. Ты знаешь, как трудно бывает новеньким.

Глаза Гарриет сузились, а челюсть превратилась в гранит.

– Знаю. Я пыталась с ней поладить, но она все время меня задирает.

В груди Пен снова вспыхнул гнев. Она изо всех сил старалась говорить ровно.

– Я поговорю с миссис Джо...

– Мама, Верити назвала меня ублюдком!

Пен замерла, открыв рот. Затем сердце забилося так сильно, что она испугалась, что оно выскочит из груди.

«Успокойся. Верити не может знать. Литтл-Падлдон – глухая деревенька в Кенте. Никто из нее не ездит в Лондон и не приезжает из Лондона или Дэрроу. Мы в безопасности».

Но Верити с матерью приехали из Лондона. Ее сердце забилося сильнее. Она не могла вздохнуть.

– Мама, я сказала ей, что ты вдова. Что папа погиб, сражаясь с Наполеоном. – Гарриет всхлипнула. – Она надо мной посмеялась. А потом показала на мои волосы и заявила, что это доказывает, что я ублюдок.

«О боже! О боже... Дыши глубже. Ты еще можешь все исправить».

– Если ты о пряди, я говорила тебе, что она появилась после той твоей лихорадки.

Десять лет назад, когда Пен поняла, что в положении, она решила уехать из Дэрроу и никогда туда не возвращаться. Даже согласись выйти за мужчину, выбранного для нее отцом и графом, когда у малышки появится эта седая прядь, станет ясно, кто настоящий отец ребенка.

Или того хуже: все решат, что она спала с Уолтером, а Гарриет сочтут его отродьем, коих в округе и без того хоть пруд пруди.

Однако прядь все не появлялась. Год за годом волосы Гарриет оставались темными. Пен даже начала надеяться, что так будет всегда.

Она почувствовала облегчение и одновременно, как ни странно, легкую грусть. Если быть честной, в глубине души ей хотелось этого зримого напоминания о Гарри.

«Я дразнила его: мол, у него в волосах запутался лунный свет».

А Гарри возмущался и протестовал.

В этом году, вскоре после приезда в Литтл-Падлдон викария Годфри Райта, Гарриет заболела. Когда дочь выздоровела, у нее над виском протянулась тонкая седая прядь. Не очень заметная. Когда она в шляпке или аккуратно расчешет волосы, прядка совершенно не видна. До сегодняшнего дня и сама девочка, и все вокруг верили в придумку Пен о лихорадке.

– Верити говорит по-другому. Она вместе с мамой называет это прядью Грэмов и семейной отметиной графов Дэрроу.

У Пен упало сердце. Конечно, можно сказать, что отец Гарриет из материнской линии семьи. Но этим она только добавит новую ложь к той, что уже наплела. Лучше держаться первоначальной версии.

Ее молчание слишком затянулось. От отца Гарриет унаследовала острый ум и отвагу.

– Это правда?

– Ах! – Пен вдруг почувствовала, что не может больше врать. Наконец миг, о котором она мечтала долгие годы, настал. – Э... – Было очень трудно подобрать слова.

Лицо Гарриет сморщилось, но она взяла себя в руки. Выпрямилась, словно от удара по спине кочергой.

– Ты правда была подстилкой графа? Так говорят Верити и ее мать!

– Нет! Неправда...

– И все, что ты рассказывала мне о моем отце, ложь?

Пен словно ударили по лицу.

– Нет!

О черт. Сколько лжи она нагородила, хотя мужа, погибшего на войне, придумала тетя Маргарет.

Придя в дом тети, Пен была слишком смущена, напугана и опечалена, чтобы возражать. Да и история была недалеко от правды – правды сердца Пен.

Она чувствовала себя женой. С самого начала знала, что Гарри никогда на ней не женится – графские сынки на фермерских дочках не женятся, – но это не имело значения. Она любила его так, как может любить лишь наивная семнадцатилетняя девушка, – слепо, страстно, безоглядно. Дерзко.

Пен верила, что Гарри ее любит – так любит всякий уходящий на войну восемнадцатилетний Керубино.

Ни одна жена не волновалась за мужа сильнее, чем она за Гарри, пока он был в Европе. Она боялась увидеть его имя среди погибших.

– Гарриет... – Пен подошла. Коснись она дочери, обними, она сможет ей объяснить.

Но Гарриет увернулась.

Пен неловко опустила руки.

– Я... Все было проще... И никогда не имело значения. – Пен судорожно вцепилась в юбку. – Я бы сказала тебе со временем.

Сказала бы? Может, она надеялась всю жизнь прожить в счастливой мечте? А в самом деле, какое это имело значение? Ни здоровье, ни благосостояние Гарриет от наследства не зависели. Ни землю, ни титул отца девочки не наследуют.

Лицо Гарриет вспыхнуло. Она, запинаясь, проговорила:

– Мама, Верити сказала... мой настоящий отец... в прошлом году умер...

Что?! Все газеты писали о похождениях Гарри в этом сезоне. Кажется, он вот-вот сделает предложение дочери графа Лэнгли.

Ну конечно! Розамунда и Верити считали отцом Гарриет Уолтера Грэма. У нее свело живот.

Гарриет засопела, старясь сдержать подступающие слезы.

– Я могла бы с ним встретиться, а теперь не смогу.

– Гарриет... – Было бы проще не разуверять дочь. – Они тебе солгали.

Пен не хотелось, чтобы Гарриет думала, что ее отец – распутник и обманщик Уолтер. Или что Пен спала с женатым мужчиной. Когда она зачала Гарриет, Уолтер только что женился. Одна дочь у него уже была, вторая – была на подходе.

– Гарриет, твой отец – теперешний граф.

На лице Гарриет появилось странное выражение – растерянность и удивление.

Пен вновь к ней потянулась – Гарриет опять отпрянула.

– Значит, ему на меня наплевать? – В голосе Гарриет слышались боль и неуверенность.

Пен стало больно оттого, что ее сильная, бесстрашная дочь выглядела такой хрупкой.

«Я все исправлю. Выйду за Годфри. У Гарриет будет отец и своя комната. Рядом не будет все время крутиться эта противная Верити. Свадьба с Годфри решит все проблемы».

– Твой отец о тебе не знает.

Глаза Гарриет расширились, рот приоткрылся, она как будто почернела от негодования.

– Ты ему не сказала? – произнесла Гарриет отдельно и строго, словно обвинение.

Пен покачала головой. Волна болезненного бессилия нахлынула на нее в ответ на ярость Гарриет, принесла воспоминание о том, насколько она почувствовала себя беспомощной, узнав о беременности.

– Я не могла. Гарри уехал в Европу до того, как я поняла, что у меня будет ребенок. Он был в армии. Я не знала, как ему сообщить.

Гарриет ответ не удовлетворил.

– Но ведь теперь он вернулся? Ты могла ему сообщить о себе и обо мне.

«Ну допустим, могла».

– В этом не было смысла.

– Он мог бы на тебе жениться. Мы были бы семьей!

Гарриет выросла в Литтл-Падлдоне. Она ничего не знает о знати, о высшем обществе. Она не может понять, что это такое.

– Нет, не могли бы. Граф не женится на мне, Гарриет. Я всего лишь дочь фермера. Графы не женятся на простолюдинах.

– Но я его дочь!

От боли в голосе Гарриет сердце Пен оборвалось. Возможно, именно поэтому она Гарри и не написала: старалась как можно дальше сохранять слабую надежду, что он когда-нибудь позаботится об их ребенке.

Глупо, конечно. Скорее всего, Гарри последовал по стопам старшего брата Уолтера, точнее даже, не по стопам... – и обзавелся множеством незаконнорожденных детишек.

– Это не важно, Гарриет. Ты – моя дочь. Все эти годы о тебе заботилась я. И я всегда буду о тебе заботиться...

«Может, Гарриет полегчает, если она узнает о моих планах».

– Когда я выйду замуж за мистера Райта...

– Выйдешь замуж за мистера Райта?! – Гарриет не на шутку испугалась. – За викария?!

– Ну да, за викария. – Пен попыталась, впрочем без особого успеха, скрыть раздражение. – В деревне только один мистер Райт.

– Он просил твоей руки?

Судя по тону Гарриет, викарий с тем же успехом мог бы попросить Пен станцевать нагишом в проходе церкви.

– Пока нет, но я почти не сомневаюсь, что попросит. – Пен попыталась обнадеживающе улыбнуться. – И тогда у нас будет настоящий дом. Мы распрощаемся с Верити и прочими девчонками навсегда.

Гарриет покачала головой, вид у нее был кислый.

– Выйдешь замуж за мистера Райта? – глухо повторила она.

– Да.

– Он... Он ужасный.

Такой реакции Пен явно не ожидала.

– Нет, мистер Райт не ужасный.

Может, Годфри немного напыщенный и лицемерный, ну и скучный, конечно, но не ужасный.

– Он похож на уродливую, трусливую жабу... И когда видит меня, морщит свой длинный нос, как будто от меня воняет. – Глаза Гарриет сузились от гнева – точно, как у Гарри. – Я его ненавижу.

– Гарриет!

Куда подевалась ее спокойная, послушная дочь?

– Викарий не женится на тебе, если узнает, что ты шлюха!

– Гарриет!

– Так тебя Верити называет! – Гарриет кричала, но Пен слышала, как ее голос дрожал. – Ты родила, когда вы с моим отцом не были женаты. – Девочка яростно засопела и смахнула предательски брызнувшие из глаз слезы. – Викарий будет еще презрительнее задирать передо мной свой длинный уродливый нос, потому что я – ублюдок, зачатый во грехе.

– Нет, Гарриет, он не такой. Он служит Богу, и у него есть милосердие.

Но Гарриет не слушала мать. Она развернулась и понеслась через поля, оставив Пен страдать.

«Бежать за ней?»

Нет. Девочка все больше стала походить на отца: ей нужно время, чтобы разобраться со своими чувствами. Гарриет узнала слишком много неприятного сразу. Она придет домой, когда будет готова.

Пен пошла назад по дороге к усадьбе, только теперь ей казалось, что на ногах у нее гири.

«Годфри ведь не разозлится на меня за рождение Гарриет? – Она сердито опустила глаза. – Я ему не позволю».

Только почувствовав или заподозрив нечто подобное, Пен недвусмысленно даст мужчине понять, что не потерпит этого. Ради Гарриет она пойдет на все. Даже на обман.

«Если до Годфри дошли слухи, я буду все отрицать».

Сегодня Пен застали врасплох, но теперь, когда она узнала, что говорят Розамунда и Верити, придумает историю, в которой будет как можно больше правды. Она ведь не законченная обманщица. Ее история будет проста...

Да, она у нее уже есть! Пенелопа скажет, что ее дорогой муж, покойный мистер Барнс, был незаконнорожденным сыном дамы из семейства Грэмов. В это поверят. У Годфри есть веская причина верить всему, что она говорит. Он хочет затащить ее в постель...

Пен справилась с дрожью и ускорила шаг, переключившись на более спокойные мысли – о своем хмельнике. Ей нужно проверить растения и собрать вредных жуков. Времени до уборки хмеля осталось совсем немного. И после сбора урожая о хмеле она тревожиться перестанет.

Если бы так же легко Пен могла вырвать из сердца Гарриет гадкие слова и обидные взгляды...

Глава 3

Выйдя из хмельника, Пен отряхнула юбки и пошла по тропинке домой. Едва ли не три последних часа – она глянула на свои часы – она провела, заботливо ухаживая за хмелем и внимательно следя, не появилось ли малейших признаков плесени или мух. Пока все было хорошо.

«Если бы таким же простым было воспитание детей».

Пен кусала губу, пытаясь отогнать тревогу, отравлявшую мысли хуже любого садового вредителя, однако, несмотря на все старания, не могла успокоиться.

Возможно, рассказать Гарриет правду об ее рождении Пен следовало много лет назад, но она считала, что дочь еще слишком мала, чтобы понять. К чему усложнять дочери жизнь далеким прошлым, которое ни одна из них не в силах изменить?

Нет, ее вина глубже. Пен не следовало пересказывать вдовью историю тети Маргарет, хотя эта история годами спасала ее и Гарриет от осуждения и отверженности.

«На самом деле не следовало пускать Гарри к себе под юбки...»

Ха! Чаще всего юбки слетали еще до того, как Гарри успевал к ней прикоснуться.

Вспомнив об этом, Пен улыбнулась. То лето с Гарри было чудесным, лучшим из всего, что случилось в ее жизни, не считая рождения Гарриет. Никогда прежде да и потом она не чувствовала себя такой живой, такой настоящей. Каждое ощущение, каждый запах, каждое прикосновение были так пронзительны: ярче и слаще, чем когда-либо еще в ее жизни. День не тянулся за днем, она не уповала на будущее, а жила настоящим, упивалась каждым мгновением, запоминала каждое мгновение, чтобы лелеять в памяти, когда уйдет Гарри.

То, что он уйдет, Пен знала всегда.

А потом у нее появилась Гарриет, и как ни трудно быть матерью без мужа, она ни разу об этом не пожалела и не захотела избавиться от дочери. Гарриет была живой частичкой Гарри и сокровищем сама по себе.

Сокровищем, которое порой сводит с ума.

Пен отчаянно хотела броситься на поиски дочери, но знала, что сейчас разговоры с ней ни к чему хорошему не приведут. На самом деле только все осложнят. Надо дать Гарриет возможность все обдумать самой. Она придет к Пен, когда будет готова.

Пен смахнула капельку пота с кончика носа, и ей в голову пришла еще одна тревожная мысль.

«Неужели Гарриет права? Неужели Годфри, дойди до него слухи, решит, что я шлюха, и умоет руки?»

Нечто, подозрительно похожее на панику, сжало грудь.

Нет, конечно нет! Она постарается, чтобы ее настоящая история пока до него не дошла, а если возможно, то и никогда.

Входя во двор приюта, Пен снова посмотрела на часы. Через некоторое время она спустится к пабу «Танцующая Утка» и перехватит Годфри, когда он направится домой после обильной воскресной трапезы. Может, удастся заставить его сделать ей предложение сегодня.

– Пен!

Она оглянулась и увидела Каро, шедшую за ней из пивоварни.

– Тебя хотела видеть Джо.

– Отлично.

У Пен еще было время до разговора с Годфри. Встреча с Джо позволит ей еще раз упомянуть о травле, которую Верити развернула против Гарриет – сцену в церкви вряд ли кто-то не заметил.

– С хмелем все в порядке? – проходя через двор, озабоченно спросила Каро.

– В порядке. Ты ведь сама знаешь. Я видела, как ты выходила из хмельника. Сосчитала каждое соплодие?

Каро засмеялась:

– Пыталась, но их столько, что не сосчитать. Однако слышала, как ты бормотала о жуках и болезнях. Мы еще можем потерять урожай?

– Да. Какой смысл скрывать?

Каро прекрасно знает, что в крестьянском труде гарантий нет. Этому ее научили два последних непредсказуемых холодных лета. Но даже элементарная гроза в неподходящий момент может стоить всего урожая.

– Потому я и проверяю растения так часто, – заключила Пен. – Но я оптимистка, осторожная оптимистка.

– Благодарение Богу за это, – произнесла Каро, отворяя дверь в кабинет Джо.

– Благодарение Богу за что? – спросила Джо.

Она сидела за столом, на котором лежал открытый гробсбук. Фредди, ее коричнево-белый спаниель, подошел поластиться и вновь растянулся у ног хозяйки.

– Пока что хмель созревает хорошо, – сказала Пен, как обычно, садясь на потертый стул с красной обивкой.

– Постучим по дереву. Если нам удастся собрать урожай, как он есть сейчас, я смогу нарастить производство и тем самым увеличить продажи. – Каро присела на краешек стула, стоявшего напротив стола Джо, и, едва не дрожа от возбуждения, подалась вперед. – Не сомневаюсь, я вам уже рассказывала, что «Петушиный Хвост» в Тадлгейте и «Пьяная Овца» в Уэстлинге просили больше «Вдовьего пива». Мне пришлось им отказать, потому что наших запасов едва хватило для «Танцующей Утки», но теперь...

– Нечего делить шкуру неубитого медведя, – предостерегла Пен. Она не любила искушать судьбу, даже стуча по дереву.

– Да-да, безусловно. Но чем скорее мы узнаем наверняка, насколько велик урожай, тем скорее я смогу договориться с этими пабами. – Каро заерзала на стуле. – У хозяина «Пьяной Овцы», мистера Харриса, есть брат, у которого

таверна в Лондоне. Если пиво хорошо пойдет в «Овце», не сомневаюсь, он его порекомендует.

Нахмурившись, Каро поднесла к губам указательный палец.

– Скорее всего, мне придется подыскивать еще одного помощника для работы в пивоварне. Альберт уже слишком стар тяжести носить, хотя я ему об этом еще не говорила.

Теперь нахмурилась Джо.

– А как же Вирсавия и Эстер? Ты же говорила, они прекрасно справляются. – Джо указала на гроссбух. – Еще на одного работника у нас нет денег, ты бы лучше взяла в помощники кого-нибудь из живущих тут женщин.

На лице Каро появилась улыбка, с помощью которой она всегда уламывала людей сделать то, чего они делать не хотели.

– Мои помощницы прекрасно справляются, но ты же знаешь, что в пивоварне надо таскать много тяжестей. И Вирсавия, и Эстер работают наравне с Альбертом, но не как юноши. Не сомневаюсь, увеличение производства позволит нам платить молодому и сильному мужчине без малейшего ущерба для приюта.

Каро была честолюбива и часто воспаряла слишком высоко.

– Даже блестящий урожай не позволит нам снабдить «Вдовьим пивом» лондонские таверны, – возразила Пен. – Нам за ними не угнаться. Слышала? За обедом посетители выпивают там не меньше бочки пива.

– Я знаю об этом, – сердито покосилась на нее Каро. – Но все равно, хорошо было бы продавать наше пиво в Лондоне, – усмехнулась она. Воображение вновь рисовало ей радужные картины. – За ограниченное предложение мы и цену запросим повыше.

– Больше денег нам не помешает, – взволнованно сказала Джо.

О Боже!

– От нового герцога до сих пор ни слова? – спросила Пен.

Джо боялась лишиться поддержки, прочтя в газете, что старый герцог Грейнджер и его семья скончались от инфлюэнцы.

– Нет. – Джо потеряла переносицу. – В этом году деньги еще не поступили.

Пен почувствовала, как у нее засосало под ложечкой. Если новый граф Грейнджер откажет им в помощи... Однако паниковать пока рано.

– Прошло всего две недели? – спросила она.

– Две недели, – опустив плечи, вздохнула Джо. – Но деньги всегда приходили вовремя.

Каро чуть не взвыла. Вид у нее был такой, будто она готова столкнуть человека в большой котел кипящего сусла.

– Герцог не может нам отказать.

– Может, – сказала Джо. – Ты же знаешь, в доме мы живем незаконно.

К сожалению, это было правдой. Поместьем Падлдон некогда владел муж Джо, Фредди, лорд Хэвенридж. Но, как и все свое имущество, он проиграл его в карты, а потом трусливо пустил себе пулю в лоб. Когда выигравший герцог Грейнджер наутро явился простить Фредди долг, он увидел его вдову Джо и понял, что ничего уже невозможно поправить.

Герцог разрешил Джо остаться в имении и более десяти лет оказывал ей помощь.

– Старый герцог наверняка должен был упомянуть вас, вернее, нас в завещании, – сказала Пен.

– Не знаю. – Джо снова вздохнула и погладила трущегося у ног спаниеля. – У него не было передо мной обязательств. Полагаю, он чувствовал вину за Фредди...

Услышав свою кличку, пес завилял хвостом.

Джо глянула на него.

– Перед моим мужем, глупыш, не перед тобой.

Фредди завилял хвостом еще проворнее, положил лапы на колени Джо и лизнул ее в лицо.

– Не подлизывайтесь, сэр, – смеясь, сказала Джо и обратилась к Пен и Каро: – Полагаю, эти деньги служили не столько помощью мне, сколько успокоением совести старого герцога. Он мог не оставить формальных распоряжений, – вновь, как частенько в последнее время, посетовала она. – Если судить по газетам, новый герцог пользуется уважением. Он бывший адвокат, вдовец с малолетним сыном. Я уповаю на его сострадание. Получаемая нами сумма невелика. По сравнению с доставшимся ему огромным богатством просто мелочь, но для нас жизненно важная мелочь.

– Возможно, в этом и проблема, – сказала Пен. – Порой скупее всех именно те, кто неожиданно разбогател.

– Да, – согласилась Джо и закусила губу. – Новый герцог может потребовать от нас освободить дом... Что нам тогда делать?

– Надо написать ему. – Каро всегда предпочитала действовать напрямую. – Я уже говорила об этом, как только мы узнали о новом герцоге. – К сожалению, и Каро была несколько заносчива.

– Может, это просто упущение или недоразумение, которое он исправит, как только все выяснит, – сказала Пен.

– А если герцог и правда решит прекратить поддержку, – добавила Каро, – письмо даст нам возможность привести аргументы в свою пользу. Ты говорила,

он был адвокатом. Он оценит хорошо изложенную суть дела. В любом случае лучше выяснить, как обстоят дела, чем тратить время на догадки и волнения. Чем скорее мы все узнаем, тем увереннее сможем строить планы.

Джо кивнула.

– Ты права. Но было бы хорошо, если бы я могла показать, что мы не просто висим у него на шее. Поместье Падлдон я у герцога купить не могу, но могу предложить план нашей финансовой независимости – уменьшения и, наконец, прекращения его благотворительной помощи, а возможно, даже выплаты ему аренды, если он позволит нам здесь остаться.

– И это еще одна причина, по которой я хочу продавать «Вдовье пиво» в Лондоне. – Каро кивнула и приосанилась, помахав перед носом Джо указательным пальцем. – Я докажу и герцогу, и кому угодно, что у нас прибыльный бизнес, – усмехнулась она. – Кто знает? Кое-кому из его друзей пиво может прийти по вкусу, тогда они за нас вступятся. И герцог может даже увеличить свою поддержку. – Каро вновь погрузилась в честолюбивые грезы.

Хорошо, конечно, что у Каро великие замыслы. Может, когда-нибудь ей удастся их осуществить. Пока плохой урожай двух последних лет не дал возможности воплотить их в жизнь, однако замыслы Каро служили им ориентиром.

– И этот маленький дом Грейнджеру не нужен, – сказала Пен. – Теперь у него наверняка много больших поместий.

– Да, – уже решительнее произнесла Джо. – Я ему напишу... – Она замаялась. – Скоро... – Опустила глаза в гроссбух. – Я просмотрела бухгалтерские книги и нашла, где еще можно сэкономить, но... – Покачала головой. – Если бы нам удалось увеличить производство пива, было бы отлично. – Джо подняла глаза и усмехнулась: – Этого не потребовалось бы, если бы мы смогли заработать на чем-нибудь другом.

Верно. Правда, обитательницы приюта пытались вязать шали, печь пироги, но либо работницы не горели энтузиазмом, либо их выпечке, к примеру, жители деревни предпочитали домашнюю. Лишь когда Каро начала варить пиво в старой пивоварне, дело пошло веселее.

– Пока урожай не убран, мы ничего сказать не можем, – вновь предостерегла Пен. – Да, сейчас все хорошо, но все может измениться.

– Напиши ему без промедления, – сказала Каро. – Лучше заранее уверить его в хорошем урожае. Что бы ни случилось потом, его деньги уже будут у нас в кошельках. – Она пожала плечами. – Не такие это большие деньги. Герцог же не явится в Литтл-Падлдон их отбирать.

Безусловно, Каро была самой смелой и деловой из них троих.

– Это верно. – Джо захлопнулаgrossбук и встала, ее примеру последовали Фредди, Пен и Каро. – Не скажу, что полностью разделяю твой подход, Каро, но я согласна: мы не можем ждать, пока хмель будет убран. Сегодня вечером напишу герцогу. – Она глубоко вздохнула: – Надеюсь, мне удастся его убедить.

– Не сомневаюсь, что удастся, – сказала Пен. – Разве джентльмен выбросит на улицу женщин и детей?

– Да. – Джо смахнула со стола невидимую пылинку. – Судя по газетным статьям, человек он добрый, умный и принципиальный.

На лице Каро появилось циничное выражение.

– Будем надеяться. То, что он новичок среди аристократов, внушает мне робкие надежды, тем не менее... – Каро скривилась. – Тем не менее верить дворянину – последнее дело. – Каро смерила Пен сочувственным взглядом. – Ну, Пен это известно не понаслышке.

У Пен сердце подпрыгнуло, а в ушах зазвенело.

– Что ты имеешь в виду?!

Джо нахмурилась и легонько коснулась руки Пен.

– По дороге из церкви Розамунда рассказала всем и каждому, что настоящий отец Гарриет – прежний граф Дэрроу...

Пен уже открыла рот, чтобы возразить, но замерла. Ей сейчас надо, чтобы все узнали правду? Пен посмотрела на часы на каминной полке: пора идти, если она хочет перехватить Годфри. А перехватить его ей необходимо именно сегодня. Время уходит...

Каро покачала головой.

– Не знаю, почему я не сообразила сразу, заметив в волосах Гарриет седую прядь. Это фамильное отличие, – нахмурилась она. – Хотя... прядь появилась неожиданно. И я поверила в твою историю с лихорадкой. Странно, я посчитала, что лихорадка может вызывать такое, а ты всем нам рассказывала о своем муже-фермере... – Каро мрачно покосилась на Пен. – Я всегда считала тебя недотрогой. Мне до сих пор трудно поверить, что ты была любовницей графа.

У Пен перехватило дыхание. Слышать, как Каро говорит прямо ей в глаза... Ее отношения с Гарри можно назвать грязным словом, но грязи в них не было.

– Мы тебя не осуждаем, – быстро сказала Джо. – А наш приют? Он служит прибежищем для тех, кому некуда податься, в особенности для женщин с детьми. – Она сурово посмотрела на Каро. – Мы никого не судим. Слишком часто женщины беззащитны перед преследованиями мужчин. Стыдиться тут нечего.

Пен и не стыдилась. Гарри ее не преследовал, не обманывал. Это было ее решение. Она его любила и родила от него дочь, в которой теперь была вся ее жизнь. Пен ни о чем не жалела.

– Твое прошлое, чье бы то ни было прошлое – не наше дело, – спокойно, ровным голосом проговорила Джо, бросив еще один красноречивый взгляд на Каро.

Каро не обратила на это внимания.

– Пен, я тебе так скажу: ты подумай, может, тебе удастся получить с графа немного денег? Считаю, он перед тобой в долгу, ты ведь мать его племянницы. А нам это помогло бы свести концы с концами, если герцог вдруг окажется несговорчивым.

«Знай Каро правду, она бы меня отсюда не выпустила, пока я не написала бы слезное прошение Гарри».

– Я не собираюсь лезть в карман графа Дэрроу. – Пен в упор посмотрела на Джо. – А тебе, Джо, надо поговорить с Розамундой. Я не потерплю, чтобы она распространяла грязные слухи о моей дочери...

– Да, я поговорю...

Пен не могла остановиться:

– И пусть приструнит Верити. Девчонка настроила всех против Гарриет. Она... – Пен бросила взгляд на каминные часы. Боже правый! Ей надо идти, или она не перехватит Годфри! – Мне пора. У меня... встреча в деревне!

Годфри ей надо перехватить, прежде чем расползется слух, и сейчас, видно, уже слишком поздно.

Пен распахнула дверь и почти бегом вылетела из кабинета Джо. Притормозила она только у большого дуба возле моста. Остановилась и отдышалась. Надо прийти спокойной. Если Годфри заметит...

Нет, Годфри вряд ли заметит, что она зла и расстроена. Он не слишком наблюдателен. Но кто-то другой – может. Не стоит давать сплетникам новую пищу для пересудов. Она одернула юбку.

Преподобный Райт ежедневно наведывался в «Танцующую Утку». Он выходил из харчевни, умяв большую тарелку баранины, сдобрив мясо не одной пинтой «Вдовьего пива».

Сейчас без двух минут два.

Пен глубоко вдохнула, поправила шляпку и минуту спустя решительно направилась через мост к таверне.

Время Пен рассчитала отлично. Едва она подошла, дверь распахнулась – появился викарий.

– Миссис Барнс!

– Мистер Райт!

Интересно, он уловил неискренность в ее голосе?

«Больше воодушевления! Годфри – ответ на все мои молитвы».

Она заставила себя широко улыбнуться.

– Какая приятная встреча.

«Почему он так уставился на мое декольте?»

Пен привыкла, что викарий на нее пялится, но сегодня он даже не пытался этого скрыть.

Оно и к лучшему. Может, ему все труднее сдерживать свое – пусть и слабое – мужское желание, желание, которое подтолкнет его сделать ей предложение, если ей удастся правильно сыграть свою роль.

«О желании Гарри я никогда не думала».

С Гарри она думала только о любви... о своих желаниях. Но поскольку ни о любви, ни, если честно, даже о малейшем желании к Годфри с ее стороны речи не шло, ей оставалось лишь уповать на его инстинкты.

«Сегодня мои желания сугубо материальны. Единственное, нет, единственная, о ком я забочусь, – это Гарриет».

Викарий поклонился.

– Миссис Барнс, я собирался прогуляться по берегу ручья. Знаете, способствует пищеварению. Не хотите составить мне компанию?

По спине пробежал неприятный холодок – Пен засомневалась. Он особо выделил слово «миссис»... Почему?

«Наверное, мне показалось».

Наверняка показалось. Она еще не пришла в себя после разговора с Джо и Каро.

– Да, благодарю вас. Было бы очень приятно.

Пен положила пальцы на рукав Годфри, и он накрыл их ладонью.

Очень похоже на ловушку.

«Стоп. Не забывай, это Годфри, преподобный Райт – чопорный, скучный, робкий и богобоязненный».

Она позволила ему увлечь себя на протоптанную тропинку, идущую вдоль берега ручья к дому священника. У нее было около десяти минут, чтобы его покорить, но их могло не хватить...

Пен замедлила шаг, а Годфри – нет, и поскольку он не отпускал ее руку, ей оставалось либо ускорить шаг, либо ступать по грязи.

Она ускорила шаг и спросила:

– Вас кто-то ждет дома?

Это было бы неприятно, но ничего не поделаешь. Нужно максимально использовать то время, которое было в ее распоряжении.

– О нет.

– Тогда к чему эта спешка? Разве мы не можем наслаждаться этим видом?

Он ухмыльнулся. У другого мужчины Пен сочла бы такую гримасу похотливой, но это был Годфри. Может, баранина сегодня не удалась?

Его брови дрогнули.

– Я хочу насладиться куда более интересным видом.

Странно. Эту тропу она прекрасно знала. Милые окрестности, но, в общем, все то же, что и везде. Можно увидеть уток, черепаху или даже змею, но в основном лишь вода да деревья.

– Что вы имеете в виду?

– Я надеюсь увидеть розовые вершины... – Брови у Годфри снова задергались. – ...холмов. Прекрасное, э... поле... – Он нервно облизнул пухлые губы и едва не задохнулся. – А потом дремучую чащу и темный жаркий тоннель. – Годфри до боли сжал ее пальцы.

– Не понимаю, о чем вы? – как можно тактичнее отозвалась Пен.

«Годфри перебрал за обедом “Вдовье пиво”? Спиртным от него не пахнет, но, кажется, он изрядно выпил. Думал бы лучше о помолвке...»

Она-то добивалась именно помолвки и ретироваться в шаг от нее не собиралась.

– Вы хотите! Вы хотите... – Голос у него был странно хриплым.

Пен ощутила неприятный холодок в груди.

«Надо уходить. Не глупи. Это – Годфри, викарий. Он безобиден».

И она пошла с ним дальше. Миновали поворот к дому священника, старый шаткий мосток, сооруженный фермером Смитом, чтобы ходить в церковь, скамейку, поставленную кем-то прямо на берегу...

Затем они оказались на развилке, где главная тропа отходила от ручья. Викарий свернул на едва заметную в густой траве тропку, которую Пен никогда раньше не замечала. Было слишком узко, чтобы идти по тропке рядом, и Годфри

поташил ее за собой.

– Куда мы идем? – Пен подняла свободную руку, защищая лицо от веток, которые преподобному не хватило любезности придержать.

– Прямо вдоль ручья.

По крайней мере, вокруг не было холмов с розовыми или любыми другими вершинами.

– Вы увидите. – Он оглянулся на нее с вожделением – точнее выражение его лица она описать не могла. – Туда, где нас никто не беспокоит.

Пен нервно засмеялась:

– Надеюсь, это не чаща и не туннель.

Годфри хихикнул:

– Пенелопа, не стройте из себя скромницу. Вы хотите этого не меньше, чем я.

– Хочу чего? – Она очень удивилась, что викарий назвал ее полным именем, но решила об этом не спрашивать. Сердце забилось прямо в горле, и ей трудно было говорить спокойно.

«Годфри наверняка перебрал сегодня».

Узкая тропинка вывела на полянку с плакучей ивой. Годфри провел ее под ивовыми ветками и прижал к стволу.

– Вы хотите этого, – сказал он, и его губы, влажные, слюнявые, дряблые, устремились к ее губам.

Но прежде чем их губы встретились, у нее, слава богу, хватило духу закрыть рот. Пен выставила вперед руки, уперлась викарию в грудь, готовая его оттолкнуть.

«Помни о Гарриет!»

Верно, Гарриет. Ради Гарриет она вынесет все, даже это.

Но мысли о Гарриет заставили Пен вспомнить о Гарри, о том, как ей было приятно, когда ее целовал он.

«Я могу вообразить, что Годфри – это Гарри».

Нет. От Гарри никогда не разило луком и чесноком, а главное, он никогда на Пен так не наседали. Сразу видел, если она поцелуя не хотела.

Не хотела Пен редко. Чаще целовала его первой.

По крайней мере, брюхо защищало ее от викария...

«Фу! Годфри пытается засунуть мне в рот язык!»

Пен сжала зубы. Пора возмущенно сопротивляться. Говорить Пен не рискнула: открой она рот – его язык ее задушит. Она толкнула викария в грудь.

Никакого эффекта. Словно он и не почувствовал. Пен толкнула сильнее – снова ничего. Она пнула его в голень.

Наконец-то!

Годфри поднял голову и засмеялся:

– Дорогуша, не надо притворяться.

Сердце подстреленной птицей затрепетало и рухнуло вниз.

– Притворяться?..

Он развязал ленты ее шляпки и сорвал ее.

– Эй! – Пен повернула голову, чтобы проследить за шляпкой, которая повисла, зацепившись за ветки куста.

Липкой ладонью викарий развернул ее лицо к себе.

– Вы хотите этого так же, как и я.

«Этого? Похоже на предложение, но отнюдь не руки и сердца».

– Хочу чего? – Пен обязана прикинуться непонимающей.

Годфри, в конце концов, священник. Тот, для кого плотские удовольствия без Божьего благословения немыслимы. Но с ним она явно ошиблась.

– Ты как сучка в течке.

– Мистер Райт!

Он положил ладонь ей пониже спины.

– И я здесь, чтобы удовлетворить твое и свое желание. – Годфри прижал ее к себе так, что живот уже не мешал и не скрывал его... твердой решимости.

«На ощупь куда меньше, чем у Гарри».

Эту мысль Пен из головы выбросила. Ей необходимо сосредоточиться. С чего вдруг Годфри решил, что она согласится на незаконную связь? Ему надо думать о женитьбе...

Странно Годфри принялся за ней ухаживать. Ведь он же викарий. Что еще у него на уме? Это необходимо выяснить.

Пен не даст ему себя лапать, если он не намерен жениться.

– Годфри, вы меня пугаете. Я не...

Он снова засмеялся:

– Боже, вы отлично сыграли роль безутешной вдовы. Ловко обвели меня вокруг пальца.

Внутри у нее все замерло.

«Боже милостивый! Он знает».

– Я услышал эту историю, когда обедал в «Утке». Можете вообразить мой шок, когда я узнал, что вы были шлюхой прежнего графа Дэрроу.

– Не была. – Во рту у Пен пересохло, но это она произнесла четко и твердо.

Викарий пожал плечами.

– Вам, возможно, больше по нраву слово «любовница». Согласен, оно благозвучнее. Однако сути оно не меняет. Вы раздвигали ноги перед мужчиной. – Он мерзко улыбнулся. – Вы и передо мной ноги раздвинете? Признаюсь, я вас вождедел. Едва не сделал вам предложение. Слава богу, вовремя узнал, что вы продаете свои услуги по весьма сходной цене. – По его лицу пробежала тень. – Какова же ваша цена?

С каждым произнесенным викарием словом у Пен в душе толчками поднимался ледяной ужас. Последний вопрос словно по волшебству обратил лед в пламень. Ярость взорвалась, как огненный шар.

– Мерзавец! – заорала она и врезала ему коленом между ног.

Глава 4

Пока лошадь пила, Гарри стоял в тени и смотрел на воду. Он очень надеялся, что до Литтл-Падлдона осталось совсем немного. От Грейнджера выехал Гарри вчера утром, думая, что доберется за пару часов, но вот уже скоро вечер

следующего дня, а он все еще в пути. Ему пришлось преодолевать шаткие мосты, ехать по скверным извилистым дорогам, ориентироваться по двусмысленным дорожным указателям, впрочем, чаще всего указателей и вовсе не было. Не помогали и попытки вывести дорогу у местных. Гарри готов был поклясться, что большинство здешних жителей, даже работники на постоянных дворах, дальше мили от дома в жизни не отходили.

Неудивительно, что в Грейнджере ничего не знали о происходящем в Литтл-Падлдоне. Откровенно говоря, у Гарри начало складываться впечатление, что он имеет дело со сказочной деревушкой, появляющейся и исчезающей с утренним туманом.

Он вытащил платок и вытер разгоряченное от долгой езды лицо.

Когда Гарри остановился в Уэстлинге в придорожной таверне «Пьяная Лошадь», чтобы утолить голод мясным пирогом, а жажду пинтой пива, служанка заверила его, что Литтл-Падлдон находится всего в паре миль прямо по дороге. И Гарри преодолел бы эти мили без труда, умеи он летать как птица. Однако на дороге не хватало моста – Гарри пришлось ехать кружным путем. Он едва не заблудился. Спасало его лишь врожденное чутье путешественника, которым он мог гордиться.

Молодой граф бросил взгляд на речной поток. Нет, он пока еще не настолько хотел пить, чтобы присоединиться к своему красавцу Аяксу. Он протянул руку за флягой, наполненной «Вдовьим пивом», купленным в таверне «Пьяная Лошадь». По словам тамошней служанки, напиток производили в Литтл-Падлдоне в Доме призрения и поддержки старых дев, вдов, брошенных женщин и их несчастных детей.

Гарри сделал большой глоток пива и подумал: «Может, здесь и кроется разгадка тайны старого Грейнджера? Этот приют – отличное местечко, чтобы оставить одного или парочку незаконнорожденных».

Он сунул платок в карман. Скоро он узнает, верна ли его догадка. Вот только бы добраться до этой треклятой деревни.

Аякс поднял голову. Наконец-то утолил жажду. Нет, дело не в жажде. Гарри тоже слышал и звуки: звук сломанной ветки, шорох листьев... совсем рядом

кто-то прячется и за ним наблюдает.

Кто? Где?

«Будь я столь же невнимателен в Европе, я был бы уже мертв».

Гарри медленно повернул голову, следуя за взглядом Аякса...

О! Следили не за ним, а за его лошастью.

– Хочешь познакомиться с Аяксом? – спросил он у девочки, выглянувшей из-за густого куста. Благодаря зеленому платью и старой соломенной шляпке, она отлично маскировалась.

Девочка внимательно смотрела на Гарри, а он терпеливо ждал, пока она его разглядывала, потом перевела взгляд на Аякса.

– Он кусается?

Гарри не стал лгать.

– Любое животное укусит, если его испугать. Но если ты будешь обходиться с ним правильно... Аякс – добрый малый.

Девочка кивнула и подошла поближе.

– Он такой большой!

Она не осмеливалась приблизиться к Гарри. Между ними стояла лошадь. Умная девочка, знает, что незнакомого мужчины нужно опасаться не меньше, чем незнакомой лошади.

– Этот конь немного крупнее средней лошади своей породы.

Конечно, девочке, не жившей среди арабов, такая лошадь будет казаться громадной. Сама она была ростом около четырех футов, на целый фут ниже

холки Аякса, и очень худенькая. В детях Гарри разбирался плохо, но решил, что девочка, видимо, ровесница его средней племяннице, то есть ей лет восемь или девять.

– Аякс любит, когда его гладят по шее и спине.

Девочка протянула руку и осторожно коснулась Аякса. У нее были тонкие бледные пальцы, а рукава платья совсем истрепались. Ткань простая и совсем немодная, не как у его племянниц.

Перед ним явно не дочь помещика или священника, иначе одета была бы лучше, а главное, ей не разрешили бы разгуливать по деревне в одиночестве – сидела бы дома за вышиванием, учила бы арифметику или, скажем, занималась бы музыкой. Тем не менее ее речь и манеры наводили на мысль, что она не простолюдинка.

Девочка рассмеялась, когда Аякс от ее прикосновения дернул шеей. Конь повернул голову, чтобы глянуть на новую знакомую.

– У него такие красивые глаза.

Аякс тронул ее своим носом, и малышка снова рассмеялась, посмотрев на Гарри так, словно предлагала присоединиться к своему веселью.

Что-то в выражении ее глаз показалось ему странно знакомым. Может быть, сами глаза? Поразительной голубизны, светлые и ясные, с темным ободком вокруг радужки.

Осмелев, Аякс носом сбил с девочки шляпку – густые темные волосы рассыпались по плечам.

В волосах была заметна серебристая прядка.

«О господи! У девочки Уолтерова прядь. Вот почему она показалась мне такой знакомой».

Девочка кинулась ловить шляпку, и Гарри успел взять себя в руки. Когда она поймала и надела шляпку, на лице Гарри не отражалось ничего, кроме нейтрального дружелюбия.

Малышка посмотрела на него одновременно высокомерно и растерянно. Значение седой пряди было ей явно известно.

Ну конечно известно. Пусть это и глухая деревня, но в Англии. Яркая отметина их семейства давно уже ни для кого не секрет. Свою он, слава богу, закрасил.

С легким поклоном Гарри произнес:

– Прошу прощения за наглость Аякса. Думаю, он решил, что ты припрятала морковку или яблоко.

Подозрительность во взгляде девочки испарилась – она засмеялась.

– Извини, Аякс, – сказала девочка, снова погладив коня по шее. – Но угощения у меня для тебя нет.

Просила ее мать у Уолтера денег? Проверая бухгалтерию поместья, Гарри ни на какие необычные расходы не наткнулся, однако по возвращении домой он непременно расспросит управляющего и снова заглянет в счета. Уолтер мог многое скрывать из-за страха перед женой.

Ха! Ну не ирония ли в том, что, приехав в эту деревню по просьбе герцога Грейнджера, он нашел свою незаконнорожденную родственницу. Внебрачных отпрысков аристократов в этих краях явно хоть пруд пруди.

Ему следует продолжить путешествие и выяснить все до конца.

– Ты могла бы мне помочь?

Рука девочки замерла на шее коня, а во взгляде вновь вспыхнула настороженность.

О боже! Он ее напугал.

Гарри поспешил продолжить, пока она не убежала.

– Я пытаюсь отыскать деревню под названием Литтл-Падлдон. По пути я уже многих спрашивал, и все меня уверяли, что деревня совсем рядом, чуть дальше по дороге. Но я все еду и еду, а никак не могу добраться. Мне уже начинает казаться, что ее вообще не существует.

Девочка снова засмеялась.

– Существует, существует. – В глазах малышки вспыхнула шаловливая искорка. – Чуть дальше по дороге.

От удивления и Гарри рассмеялся.

Очень жаль, что Уолтер никогда не видел свою дочку... Впрочем, откуда Гарри знать, видел ее Уолтер или нет. Но девчушка смышленная.

«Мне следует разузнать, не нуждается ли она, ведь теперь я – глава семьи».

Впервые эта обязанность его не тяготила.

– Нет, в самом деле так и есть. – Девочка наморщила лоб, напустив на себя серьезность. – Если вы будете следовать прямо по дороге, вы очень скоро туда приедете.

– Уверена?

Девочка энергично кивнула.

– А есть ли в этой загадочной деревне таверна?

– Есть. «Танцующая Утка». Вы ее заметите. Литтл-Падлдон очень... – Она снова широко улыбнулась, а в глазах сверкнули шаловливые искорки. – ...маленькая деревушка.

– А! – Гарри тоже рассмеялся, но ощутил при этом странную неловкость. – Спасибо. Ну что ж, тогда я, пожалуй, поеду.

Девочка застенчиво улыбнулась.

– До свидания, сэр! – Она в последний раз погладила Аякса. – До свидания, Аякс.

Гарри только кивнул и помахал в ответ, повернулся в седле и поскакал.

В лице девочки что-то показалось ему – он все искал верное слово – знакомым. Подумал: она совсем не напоминает ему Уолтера.

В Уолтере никогда не было веселости. Он был старше Гарри семью годами. С детства Гарри помнил его прыщавым неотесанным увальнем...

Неожиданно Аякс ускорил шаг, и Гарри отвлекся от воспоминаний.

– Неужели мы наконец приехали?

Да, они действительно приехали. За очередным поворотом Гарри увидел выстроившиеся вдоль деревенской улицы каменные домишки, а еще мгновение спустя – центр деревни с церковью. И ему, конечно, тотчас же бросилась в глаза «Танцующая Утка». Великолепно.

Гарри въехал во двор таверны, и у местного конюха чуть глаза не вылезли из орбит. В отличие от девочки у реки он в лошадях разбирался прекрасно и вмиг узнал арабского скакуна.

– О милорд! – почтительно произнес конюх. – Конь, милорд. В наших краях мне еще никогда не доводилось видеть такого породистого скакуна.

Гарри, если он не хотел привлекать к себе внимания, не стоило приезжать сюда на Аяксе.

– Да, Аякс – славный конь. Верно, Аякс? – отозвался Гарри, похлопав коня по шее. После чего спешился, взял кофр и с улыбкой посмотрел на конюха.

Тот едва удостоил его взглядом. Конюх взял поводья Аякса, шепча ему комплименты. Аякс прядал ушами и кивал словно в знак согласия.

О Гарри все позабыли.

– Значит, я оставляю его на ваше попечение, мистер?..

– Томас, милорд. Просто Томас. – Конюх на мгновение отвел глаза от Аякса. – Не сомневайтесь, об этом красавце я позабочусь. – Он кивнул в сторону таверны. – А насчет комнаты – спросите у Бэсс. – И повел Аякса в конюшню.

«Танцующая Утка» ничем не отличалась от всех тех мелких постоянных дворов, где останавливался Гарри. Он вошел в таверну, низко пригнувшись, чтобы не удариться о косяк, и огляделся. К счастью, было уже начало третьего и почти все посетители отообедали и ушли, однако несколько человек еще сидели с пивными кружками, и Гарри отлично знал, что сегодня будет главным объектом деревенских пересудов.

Ну что ж, вполне ожидаемо. В такой глуши всякое новое лицо неизбежно вызывает живой интерес.

Он снял шляпу, вновь с облегчением подумав, что вовремя покрасил седую прядь, улыбнулся, кивнул присутствующим и направился к невысокой полной женщине, явно хозяйке.

– Добрый день, мадам. Не подскажете, где мне найти Бэсс? Мне сказали, что она может предложить комнату.

Внезапно ровный гул голосов у него за спиной стих. Гарри представил, как посетители таверны наострили уши. Они старались не пропустить ни единого слова.

– Я и есть Бэсс, – ответила женщина, внимательно разглядывая Гарри.

В отличие от Аякса, по чьей благородной стати конюх наверняка догадался о высоком статусе верхового, за одежду опасаться не приходилось. На Гарри были самого примитивного покроя и к тому же изрядно поношенные брюки, жилет и

сюртук. Купил он их у слуги Грейнджера.

«Для Томаса надо срочно придумать убедительную байку, объясняющую, откуда у меня Аякс, иначе об арабском скакуне заговорит вся деревня».

О черт! Бэсс завершила осмотр и, поправив корсаж, одарила Гарри знойным взглядом из-под опущенных ресниц. Она вовсе не дурна, но сейчас его мысли далеки от плотских утех.

– Пройдемте сюда, мистер... – Бэсс остановилась, вопросительно вскинув брови.

Здесь их хотя бы уже не услышат.

– Грэм.

Брови Бэсс взлетели еще выше.

– О! Из рода графов Дэрроу? – Она внимательно посмотрела на виски Гарри. – Хотя у вас в волосах не видно седых прядей.

«Стало быть, девочка у реки знала, что она Уолтерово отродье».

– Да, незаметно. – Он улыбнулся Бэсс своей самой обворожительной улыбкой в надежде отвлечь ее от расспросов на эту тему. Конечно, он мог отрицать всякую связь с семьей Дэрроу, но не хотел врать без крайней нужды.

Улыбка подействовала даже сильнее, чем он рассчитывал. Бэсс игриво улыбнулась в ответ и, когда поднималась по лестнице, соблазнительно завияла бедрами прямо у него перед носом.

– Мистер Грэм, вы везунчик, – сказала она, когда они поднялись. – Пока все наши лучшие комнаты свободны.

Бэсс открыла дверь в конце маленького коридора и, пропуская Гарри вперед, отошла, но ровно настолько, чтобы он не мог ее не задеть. После чего прошла за ним в комнату.

В очень маленькую комнату. Если она в гостинице лучшая, то о худшей ему даже думать не хотелось. Он бросил кофр на пол и подошел к окну осмотреть окрестности. Внизу протекала речушка, по берегу вилась тропинка.

– Мистер Грэм, разрешите полюбопытствовать, что привело вас в Литтл-Падлдон?

Гарри взглянул на Бэсс. Последним барьером между ним и женщиной оставался кофр, удерживая хозяйку и постояльца на минимальном расстоянии. Гарри опасался, что Бэсс в любой момент может броситься ему на шею.

– Хотя думаю, что сама догадаюсь, – самодовольно улыбнувшись, сказала она. – Гарриет? Мы ведь все давно заметили, какие особенные у нее волосы, но до сегодняшнего дня я и подумать не могла – никто не мог, что она дочь покойного графа. И тут появляетесь вы. Ведь это не случайно? Я не сомневаюсь.

«Гарриет. Значит, девочку зовут Гарриет. Но что сегодня произошло?»

Лучше всего разыграть полное неведение.

– Простите, а кто такая Гарриет?

Его озадаченный тон, видимо, прозвучал вполне убедительно, поскольку Бэсс нахмурилась.

– Вы ничего не знаете о Гарриет?

– Нет, – ответил он. До случайной встречи у реки Гарри даже не догадывался о ее существовании. – Я приехал испробовать пива, которое, по слухам, отменно варят в этих краях.

Ну, хоть какая-то польза от всех его многочисленных остановок и расспросов о дороге.

– А... – Бэсс нахмурилась, не без труда переключаясь на новую тему. – Вы имеете в виду «Вдовье пиво»?

– Именно.

– Понимаю. – Бэсс явно ничего не понимала, но по крайней мере расспросы о дочери Уолтера решила отложить. – В таком случае вы приехали по адресу. Внизу, в таверне, я налью вам самую большую кружку. И если пиво придется вам по вкусу, вы уж наверняка расскажете о нем лондонским друзьям. Я это к тому, что, если вы родственник графа, у вас есть друзья в Лондоне.

Бэсс замолчала в ожидании ответа. Гарри просто кивнул. Все верно. Он действительно возобновил контакты с одноклассниками и однополчанами и занял свое место в свете.

– Отлично. Каро – наш пивовар – мечтает начать поставки пива в парочку лондонских пабов. Ей будет приятно с вами встретиться.

Бэсс отступила к двери, и Гарри едва сдержал вздох облегчения.

– Мне налить вам большую кружку? Посетители уже пообедали и скоро уйдут, и у меня будет время ответить на ваши вопросы... – Она лукаво на него посмотрела. – На любые вопросы.

Хозяйка предлагала ему то, от чего ему трудно было отказаться. Но в данный момент Гарри решил ответить ей отказом. Сложность состояла в том, чтобы, отказывая, не оскорбить Бэсс и не лишиться важного источника информации.

– Большое спасибо, но после нескольких часов, проведенных в седле, мне нужно немного размяться и отдохнуть. – Он улыбнулся, чтобы отказ прозвучал для женщины еще менее обидно. – Возможно, я воспользуюсь вашим любезным предложением немного позже.

«По крайней мере тем, что касается пива».

Бэсс надула губы и пожала плечами.

– Как вам будет угодно. Вы знаете, где меня найти.

– Очень вам благодарен. Кстати, пока вы не ушли... – Гарри сделал жест в сторону окна. – Там у реки есть что-то вроде тропинки. По ней можно прогуляться?

– Если вам нравится смотреть на воду, идите вверх по течению, а возвращайтесь через деревню. – Бэсс широко улыбнулась. – А когда вы вернетесь, держу пари, вам потребуется большая кружка «Вдовьего пива».

– Уверен, так оно и будет.

Гарри дождался, пока Бэсс удалится, после чего поспешил вниз. Он на мгновение заглянул в конюшню, чтобы убедиться, что с Аяксом все в порядке, а затем направился к реке. Ему действительно надо было размяться, но еще больше ему надо было кое над чем поразмыслить.

Нужно будет придумать псевдоним и не пользоваться настоящим именем. О Грэмах здесь знают все, но после встречи с девочкой Гарриет ему не стоит рисковать, вызывая у здешних обитателей слишком очевидные ассоциации. Очень глупо было с его стороны заранее не подумать об этом. Да, он явно теряет чутье. И теперь ему придется...

Перед ним с веток взлетела стая ворон и с громким граем поднялась в небо над рекой. Что их спугнуло? Олень? Кабан? Надо быть осторожнее...

И тут он услышал женский визг, потом – мужской вскрик от боли и злости.

Гарри побежал на шум.

* * *

Для священника Годфри слишком хорошо ругался.

Пен вырвалась из его объятий и побежала к реке, а он схватился за ноги. Боль была настолько сильна, что он даже не рискнул прикоснуться к ушибленному месту.

«Жаль, что не ударила его сильнее».

Викарий слишком крепко ее держал, чтобы она могла хорошенько развернуться и врезать ему как следует.

– Грязная сучка!..

– Потихе, потихе, Годфри. Что скажут прихожане, если услышат такие слова?

Ей следовало бояться, но овладевшее ею чувство не походило на страх. Скорее, оно напоминало злость.

Ей следовало убежать, пока Годфри не мог пошевелиться. Он крупнее ее – не намного выше ростом, но гораздо тяжелее и сильнее как мужчина.

Теперь Годфри находился между ней и тропинкой. Если даже ей удастся ускользнуть от него, до деревни еще далеко. Не так уж и далеко на самом деле, но достаточно, чтобы он мог настигнуть ее по дороге.

Пен нужно разделаться с ним прямо сейчас, лицом к лицу, а не превращаться в загнанного зверя, которого он неминуемо схватит.

Она постаралась отдышаться, успокоиться. Ей ведь предстоит жить в Литтл-Падлдоне и ходить по воскресеньям в церковь, где служит Годфри. Может, лучше завести с ним разумный разговор, чем орать на него, отнести к происшедшему как к простому недоразумению и быть благодарной за то, что он дал ей шанс увидеть его истинное лицо до того, как она вышла за него. Гарриет права. Преподобный Райт – чудовище.

– Ты заплатишь за это, гадина! – прошипел он сквозь зубы.

Гадина?! В душе Пен будто прорвало плотину: все, что копилось в течение долгих лет гнева, страха и беспомощности, вырвалось наружу.

К черту спокойствие и здравый смысл!

Она подняла с земли большую крепкую палку.

– Не я, заплатите вы.

Викарий расхохотался. Этот звук был похож на хохот, но в нем совсем не было веселья. В нем звучали злоба и отвращение. Пен понимала: он смотрит на нее, как на кусок дерьма, приставшего к сапогу.

«А ведь действительно его похожий на птичий клюв нос морщится именно так, как говорила Гарриет».

– Я принимал тебя за почтенную вдову. Видит бог, ты одурачила меня. – Он сделал шаг в ее сторону.

Ей было приятно видеть, как Годфри морщится от боли при каждом движении.

– Не приближайтесь. – Пен замахнулась на него палкой. – Я не побоюсь пустить ее в ход. – Она опустила глаза. – И ударю туда, где больнее всего.

Пен показалось или на самом деле Годфри побледнел? Во всяком случае, он остановился.

– Ты всего лишь женщина. – Его губы презрительно кривились. – И я очень легко с тобой справлюсь.

Она еще крепче сжала палку.

– Я женщина, но очень сильная. – Пен погрозила викарию палкой. – И у меня есть очень конкретная цель.

Конечно, она блефовала. Да, она сильная. Но только среди женщин. Как же несправедливо было со стороны природы сделать женщин настолько слабее мужчин! Но у нее не было другого выхода, как только попытаться возместить недостаток физической силы силой здравого рассуждения и... умением точно прицелиться.

К счастью, Годфри решил не рисковать.

– Я же был почти готов раскрыть перед тобой двери своего дома, – сказал он, застегивая жилет и с нарочитой беззаботностью сложив руки перед собой так, чтобы как-то защитить свое мужское достоинство. – Перед тобой... – Его нос снова сморщился. – И твоим ублюдком.

Пен с такой силой сжала палку, что у нее побелели костяшки пальцев. Может, благодаря гневу у нее хватит силы сбить надменное выражение с этой гнусной физиономии.

– Не смейте называть так Гарриет!

– Почему же не сметь? А кто же она, если не ублюдок?

– Неправда.

– Ты, наверное, хочешь, чтобы ее называли «побочный ребенок» или «дитя любви»?

«Гарриет – мое любимое дитя».

Пен вдруг вспомнила, какой сильной чувствовала себя в присутствии Гарри. Любовь пылала в ее сердце так, что никто и ничто – ни ее отец, ни репутация, ни правила поведения, которые ей прививали с ранних лет, – не имело никакого значения. Все это меркло, становилось ненужным и незаметным, словно свеча при полуденном солнце.

Она была тогда юной и наивной, но очень смелой.

Такими смелыми бывают только очень юные, но оставшись одна с ребенком на руках, Пен поняла, что юные часто бывают и очень глупыми.

Годфри покачал головой:

– Слава богу, я вовремя узнал правду.

Она замахнулась палкой, почти утратив всякую осторожность от ярости.

– Нет, это я, слава богу, вовремя узнала правду. Вы ведь – просто гроб повапленный!

Годфри дернулся, но быстро овладел собой.

– На себя лучше посмотри, шлюха. – Он сделал шаг вперед.

– Я ведь не священник. Мое дело хмель, а не святость. – Пен резко выставила палку по направлению к его паху, а сама на шаг отступила.

Она не собиралась объясняться ни перед ним, ни перед кем бы то ни было и уж тем более просить прощения. Она не совершила ничего такого, что в глубине души могла бы назвать грехом.

Хотя, конечно, все окружающие сочли бы это грехом. И смотрели бы на нее так, как смотрит сейчас Годфри. Они видели бы в ней женщину, лишившуюся своей женской чести.

Шлюху.

И что самое страшное, они считали бы Гарриет ребенком, которому лучше бы было не рождаться на свет. Именно поэтому Пен пришлось все эти годы притворяться вдовой.

– Значит, ты хочешь поговорить о сельском хозяйстве? О вспашке и посеве?

Глаза Пен сузились. Она заметила, что Годфри приближается. Замахнулась на него – он остановился.

Но, к сожалению, не замолчал:

– Ты, верно, позволяла всем мужчинам из здешней деревни вспахивать свое поле?

– Что вы имеете в виду? – Пен задала этот вопрос помимо своей воли. Она прекрасно знала, что он имеет в виду.

– Ну, давай, давай! Будет справедливо, если ты отдашь мне то, что давала другим. – Его губы скривились в уродливой ухмылке. – Рассматривай это как десятину.

О боже! Как она могла допустить мысль о браке с таким низким богохульником и негодяем?!

– Вы мне омерзительны.

– Обещаю, тебе понравится. – Годфри указал на свой гультфик. – От моего дружка здесь дамы просто без ума.

К горлу Пен подкатила тошнота, но она справилась.

– Ну, если ваш дружок умоляет вас о помощи, то помогите ему сами.

«О господи, мне не стоило этого говорить».

Его лицо потемнело, как грозовая туча. В одно мгновение Годфри оказался рядом с ней, вырвал палку из рук и прижал к своей груди, обхватил руками, словно железным обручем.

Пен попыталась снова ударить викария коленом, но он держал ее так, что она не могла пошевелиться, прижался губами к ее губам, пытаясь просунуть язык ей в рот. Пен крепко сжала челюсти.

«Не позволяй себе расслабляться. Борись. Не дай ему совершить то, что он задумал».

Годфри Райт отвел голову назад и злобно глянул ей в глаза.

– Перестань сопротивляться.

– И позволить вам изнасиловать меня?

– Это не изнасилование. Ты же сама этого хочешь.

Пен с силой толкнула его в грудь, но не смогла отстраниться ни на дюйм.

– Спросите своего исстрадавшегося дружка, хочу ли я этого.

«Может, мне удастся придушить подонка его же собственным галстуком?»

Пен потянулась к его галстуку, но Годфри успел схватить ее за руку. Второй рукой он сжал Пен еще сильнее.

О боже! Пен оказалась в еще худшем положении. Викарий прижался к ней всем своим грузным телом. Пен почувствовала его напрягшийся член.

– Ты же ведь шлюха, а разве шлюху насилуют?

– Я – не шлюха!

«Я должна оставаться спокойной и найти возможность освободиться. Я не могу позволить преподобному мерзавцу совершить это. А что, если я от него забеременею? Я же...»

– Но даже если бы я ею и была, мое тело принадлежит только мне. Никто, кроме меня, не имеет права решать, кому к нему прикасаться.

Викарий тяжело и учащенно дышал. Он подтащил ее к иве и прижал к стволу. Пен почувствовала, как он теребит свой гульфик.

– Обойдемся без твоего девичьего притворства. Мы ведь с тобой прекрасно знаем, что это всего лишь игра.

– Неправда!

Показалось ей или в самом деле она услышала хруст ломающихся веток и звук шагов на узкой тропинке?

Может, это звук ее бешено бьющегося сердца?

– А ты хочешь, чтобы тебе заплатили? Я заплачу. – Годфри ухмыльнулся. Это была самая страшная гримаса из всех, которые она когда-либо видела. – И заплачу много, если мне понравится. Постарайся удовлетворить меня, Пенелопа.

Должно быть, ему наконец удалось расстегнуть свой гультфик, так как теперь он возился с юбкой Пен, пытаясь задрать ее выше бедер...

– Нет! – закричала она и попыталась ударить его головой в лицо. По-настоящему ей это не удалось, но довольно сильный удар в подбородок Годфри все-таки получил. Пен почувствовала, что он отпрянул.

– Чертова сучка! Ух!..

Пен высвободилась.

Она даже не поняла – как?

О боже! Теперь Годфри оказался занят гораздо более важным для своей безопасности делом – старался справиться с чьей-то рукой, обхватившей его за шею.

– О-о-о! – вырвалось из его глотки. – Га-га-га.

Но кто же ее спаситель? Пен взглянула в его сторону, но человек стоял к ней спиной. Сзади он производил весьма приятное впечатление: крепкий, широкоплечий, на добрых шесть дюймов выше Годфри и в значительно лучшей физической форме.

«О господи, если и этому захочется меня изнасиловать, у меня не будет ни единого шанса. Надо бежать».

Но бежать она не могла – сцепившиеся мужчины преграждали ей путь к тропинке. Может, ей лучше спуститься к реке? Пен стала пробираться к воде, стараясь не привлекать к себе внимания.

Неизвестный убрал руку с шеи викария.

– Черт возьми, сэр, как это понимать? – Преподобный растирал себе шею. – Убирайтесь-ка отсюда. Вы помешали моим спортивным занятиям.

– Спортивным занятиям? Скорее, попытке изнасилования.

Пен замедлила шаг. Голос был ей отдаленно знаком. Кто бы это мог быть? Конечно, ее спаситель не из местных. Иначе викарий обязательно назвал бы его по имени.

Она бросила взгляд на Годфри, пытаясь понять, узнал ли он своего обидчика. Нет, он совершенно очевидно был ему не знаком.

Ее взгляд опустился на галстук Годфри. Оттуда торчал розоватый кончик...
Какая гадость!

Викарий издал невнятный звук, что-то среднее между смешком и сопением.

– Вовсе нет, мой добрый друг. Вы неверно истолковали происходящее. Эта женщина – обычная деревенская шлюха, просто...

Кулак незнакомца с глухим стуком врезался в челюсть преподобного. Его голова откинулась назад, за ней последовало и все тело – Годфри рухнул в придорожную грязь.

Рыжая белка в ужасе запрыгала по веткам.

Пен крепко сжала губы, чтобы не издать возглас радости. Ей было еще рано торжествовать, она ведь до сих пор не знала, кто был ее спасителем. Расправившись с викарием, он мог наброситься на нее. Пен заметила палку, которую выронила, когда Годфри набросился на нее, и подобрала ее.

Райт с трудом поднялся на ноги.

– Негодяй! Бандит! Я уж научу тебя хорошим манерам... – Викарий попытался нанести ответный удар.

Одним ловким движением его противник парировал удар, и Годфри снова тяжело грохнулся на землю, из носа пошла кровь и забрызгала его шейный платок.

Викарий выкрикнул что-то вроде «Черт побери!» и добавил, вытащив из кармана платок и пытаясь остановить кровь:

– Ты мне нос сломал.

– Вряд ли. Но если вы еще раз попытаетесь меня ударить, я его на самом деле сломаю. – Незнакомец стряхнул грязь с рукавов. Он все еще стоял спиной к Пен. – А теперь извинитесь перед дамой.

Годфри фыркнул и тут же сморщился от боли. Он оторвал взгляд от быстро меняющего цвет платка и злобно воззрился вначале на незнакомца, затем на Пен. После чего с огромным трудом встал.

– Извините, если я чем-то оскорбил вас, – произнес Годфри, не глядя на Пен.

– Чем-то оскорбил, видите ли!

– Оставь, Пен. Прими его жалкие извинения и не заставляй меня убивать его.

«Боже! Не может быть!»

– Гарри?..

Глава 5

– Так вы знакомы? – Из-за сильнейшего шума в ушах Годфри едва слышал собственный голос.

«Это Гарри. О боже. Это Гарри!»

У Пен закружилась голова, а сердце забилося так сильно, что грудь, казалось, вот-вот разорвется, легким не хватало воздуха. Она оперлась на палку, чтобы не упасть, и внимательно посмотрела на Гарри.

Да, он постарел. В уголках рта и на лбу появились морщинки, которых раньше не было. И он казался более... более...

Единственное, что приходило на ум, было «солидный».

Стройный юноша, которого она любила, стал мужчиной.

«Ему известно о Гарриет?»

Внутри у Пен все похолодело. Она испугалась, что ей станет плохо.

Годфри фыркнул:

– Он что, один из твоих клиент...

Ударом кулака Гарри снова свалил Годфри в придорожную грязь. К счастью, шляпа держалась на голове Гарри крепко.

«Если бы Годфри увидел седую прядь, он сразу бы понял, кем мне приходится Гарри. Приходился...»

Кем приходился ей Гарри когда-то. Очень давно. Их отношения остались в далеком прошлом.

Острая тоска пронзила сердце Пен.

Это так нелепо. Да, конечно, когда-то она любила Гарри. Но любовь соединяла их десять лет назад. Он сильно изменился. И она изменилась. Скорее всего, между ними не осталось ничего общего.

А Гарриет?..

«Может, он приехал за Гарриет?»

К хаосу раздиравших Пен эмоций добавилась паника.

– Грязный ублюдок! – Райту удалось наконец подняться на ноги. – Ты еще узнаешь, кто такой здешний викарий!

– Отлично. А теперь убирайтесь, – отмахнулся от него Гарри, сосредоточив все внимание на Пен.

Она всматривалась в его лицо, как в окно с затворенными ставнями. Нет, раньше он никогда не был таким закрытым.

«А что Гарри сможет прочесть в моих глазах?»

К несчастью, очень многое. И Пен перевела взгляд на Годфри. Цветом лица священника напоминало забрызгавшую его шейный платок кровь.

– Сэр, не извольте беспокоиться, о происшествии я сообщу своему патрону, герцогу Грейнджеру. Ему очень не понравится, что вы напали на одного из его священнослужителей.

Эти слова заставили Гарри обернуться к Годфри.

– Еще меньше ему понравится новость о том, что один из его священнослужителей – мерзкий насильник.

У викария отвисла нижняя челюсть, а лицо из красного сделалось сперва мертвенно-бледным, а потом опять красным.

– Я не насильник!

– Не насильник только потому, что вовремя появился я и остановил вас.

– Я... Эта женщина...

– Если вы не замолчите, вдобавок к носу я сломаю вам челюсть.

Годфри закрыл рот, но лишь на миг.

– Клянусь, я немедленно напишу герцогу.

Гарри пожал плечами.

– Поступайте как вам будет угодно.

– Не сомневайтесь. – Преподобный откашлялся, переминаясь с ноги на ногу. – Я должен узнать ваше имя, сэр.

«Неужели Гарри скажет Годфри, что он граф Дэрроу?»

Конечно, нет.

– Гарри Грэм.

– Понятно... – Нижняя челюсть викария отвисла, и он, нахмурившись, на несколько мгновений застыл в полном молчании. – Грэм из семьи графов Дэрроу?

«Или сам граф Дэрроу?»

– Но герцогу вы можете представить меня просто его другом Гарри. Я здесь по его поручению. Поэтому он сразу поймет, о ком речь.

Пен даже издалека увидела, как нервно задергался кадык Годфри.

Гарри презрительно улыбнулся:

– Ну, и кому герцог скорее поверит: старому другу или... своему служащему, которого он ни разу не видел?

– Гм.

– Более того, мне почему-то кажется, что в силу сложившихся обстоятельств вы поступите разумно, если подыщете себе другое место. У меня возникли сомнения относительно желания герцога оставить на службе священника, запятнавшего себя насилием.

– Я никого не насиловал. Это она... Она сама!

– Вы и впрямь хотите отведать моего кулака?

Викарий взглянул на Пен.

– Миссис Барнс, приношу вам свои извинения, но вы должны понять, что это была нелепая ошибка.

«Нелепая ошибка?»

Ей захотелось врезать ему по носу или... по другому, расположенному куда ниже органу.

– Вы навязывали мне ухаживания против моего желания.

«Против моего желания» – это еще слишком мягко сказано.

– Я пыталась от вас отбиваться. Никакая это не ошибка, нелепая или иная. Это прямое нападение. Не появись мистер Грэм, вы бы меня изнасиловали. – При одной мысли о том, чего она чудом избежала, Пен вздрогнула.

«Нет, мне надо держать себя в руках».

Она крепче сжала палку и глубоко вздохнула, чтобы успокоиться.

Губы Райта вытянулись в напряженную струну. Он повернулся к Гарри.

– Мистер Грэм, должен сообщить вам, что эта женщина лжет. Она выдает себя за вдову, но у нее незаконнорожденная дочь. – Годфри искоса глянул на Пен, после чего снова обратился к Гарри: – Если вы, по вашим словам, здесь по

поручению герцога, а не по личным делам, вам, возможно, неизвестно, что эта женщина – бывшая любовница графа...

На сей раз удар Гарри пришелся в брюхо священника.

Ловя ртом воздух, Годфри согнулся пополам.

– Вы не слишком умны, как я погляжу. – Голос Гарри звучал жестко и сурово. Раньше Пен никогда не слышала у него подобных интонаций. – Советую вам немедленно убраться и молчать как здесь, так и где бы то ни было еще. Не хочу вас убивать, но предупреждаю: не испытывайте мое терпение. Надеюсь, я ясно выразился.

Викарий кивнул.

– Отлично. И застегните наконец штаны!

Годфри завожился с пуговицами и засеменил прочь. Вид у него был пришибленный, и Пен надеялась, что угрозы Гарри на него подействуют и заставят попридержать язык.

Впрочем, какое это теперь имеет значение? Уже никакого. Репутация, которую она так долго, с такими усилиями создавала, уничтожена, независимо от дальнейших действий Годфри.

– Пен. – Гарри подошел к ней и обнял за плечи. – Не плачь.

– Я... – Она шмыгнула носом. – Я не плачу.

– Конечно, не плачешь.

Он прижал ее к себе, Пен выронила палку, упала лицом ему на грудь и разрыдалась. Так хорошо было чувствовать рядом его широкую грудь и сильные руки.

Но какая же она все-таки глупая! Ведь понятно же, завтра или послезавтра Гарри вернется в свое имение и она снова останется с Гарриет одна.

Останется с Гарриет? Он же не будет пытаться забрать у нее дочь?

Их дочь.

Гарри с ней так не поступит. Пен не сомневалась. Зачем ему Гарриет? Нет, он просто уедет, а они останутся. Она останется со своими трудностями и проблемами.

И не то чтобы они лежали на ее плечах непосильным бременем. Разумеется, нет. Она вполне с ними справляется. Просто сейчас она разнюнилась из-за ерунды.

Пен заставила себя поднять голову, высвободиться из теплых и кажущихся такими надежными объятий Гарри.

«Теперь мой дом Литтл-Падлдон. У меня есть работа. Джо, Каро и весь приют зависят от меня. Мне нужно воспитывать Гарриет. Я сильная. Я все выдержу».

– Пен, Гарриет – моя дочь?

О господи. Когда-то она часто рисовала себе эту сцену: появляется Гарри и задает ей этот вопрос. Но все это в прошлом, ни о чем таком она давно уже не помышляет. Как ей ответить?

Солгать?

Не поможет. Скажи она, что была любовницей Уолтера, он ей никогда не поверит.

– Да, Гарриет – твоя дочь.

Его лицо сделалось неподвижным и непроницаемым. О чем он думает?

– Раньше ты никогда не скрывал своих чувств.

О черт, ей не стоило этого говорить. Пен захотелось вернуть свои слова обратно. Пора их близости и общности, если она ее не вообразила, давно миновала.

Сейчас оба они совсем другие. Ей не следует об этом забывать.

Гарри вымученно улыбнулся:

– Я научился осторожности.

Осторожность... Пен тоже не мешало бы ей научиться. Впрочем, она старается быть осторожной. А он показался ей таким знакомым, таким близким, таким похожим на того Гарри, которого она когда-то знала, что ей пришлось немало постараться, чтобы сдержаться и не повести себя с ним, как прежде.

Это приведет к катастрофе. К какой именно катастрофе, Пен не знала, но чувствовала, что скользит по краю пропасти. Ей следует отступить, пока бездна ее не затянула.

– Ты встретил Гарриет? – спросила Пен. Горло от волнения пересохло, и голос прозвучал хрипло и глухо.

Гарри кивнул:

– По дороге в деревню. Я остановился у реки напоить коня. Она заметила Аякса и подошла его приласкать.

– Гарриет любит животных.

Острая боль тоски пронзила сердце Пен. Будь Гарриет законной дочерью Гарри, у нее был бы собственный пони.

«Я рехнусь, если начну об этом думать».

– Ты сказал ей, что ты ее отец?

– Нет, – нахмурился Гарри. – Я не знал, что я ее отец. Эта мысль даже не пришла мне в голову. Ты мне не сказала о дочери. Я и не знал, что ты живешь здесь. Я подумал, что она дочь Уолтера. У него же масса таких незаконных отпрысков.

Внутри у Пен все похолодело. «Незаконных отпрысков». Гарри произнес эти слова с таким пренебрежением, как будто говорил о чем-то неважном, недостойном внимания.

«А сколько незаконных отпрысков у самого Гарри?»

Это ее не касается.

В былые времена, представляя, как расскажет Гарри о том, что у него есть дочь, Пен не думала, что все случится именно так. Что его это так... заденет.

– И этот мерзкий священник, и трактирщица Бэсс – все здесь считают ее дочерью Уолтера. Это ты им рассказала? И Гарриет тоже? – напрягся он. – Ты и Уолтеру о Гарриет рассказала? Пыталась получить с него денег?

Да как он смеет! Пен размахнулась, чтобы залепить ему пощечину, но он перехватил ее руку.

– Будь осторожна. Ты же видела, что я сделал со священником.

– Я не боюсь тебя.

У него в глазах что-то мелькнуло, но настолько быстро, что она не успела понять – гнев, сожаление или что-то еще.

– А стоило бы, – сказал Гарри. – Мы ведь здесь одни. – Он ухмыльнулся. – Ты в моей власти.

Пен испугалась.

«Ради бога, ведь это Гарри».

Она вырвалась из его объятий.

– Прекрати. Это не смешно.

– А я и не шучу.

В его голосе еще слышалась тень угрозы, но взгляд оттаял, и Пен узнала любимого Гарри.

– Гарри Грэм, я знала тебя, когда ты был еще мальчишкой. И мне известно, что ни меня, ни любую другую женщину ты никогда не обидишь.

Он нахмурился и посерьезнел.

– Это было... Сколько лет назад? Почти десять. Пен, я сильно изменился.

Пен снова испугалась, но овладела собой.

– Не настолько. Не сомневаюсь, ты и сам не веришь, что я могла попросить у Уолтера деньги. Я предпочла бы умереть с голоду.

– И позволила бы голодать Гарриет?

О! Он слишком хорошо ее знает.

– Наверное, нет. К счастью, до этого не доходило.

Пен задумалась. Долго размышлять, как бы она поступила, ей не потребовалось.

– Да, конечно, не будь у меня иного выхода, я позабыла бы о гордости и попросила бы денег у Уолтера. Но это не помогло бы. Наверняка твой брат либо самолично захлопнул бы дверь у меня перед носом, либо отдал бы распоряжение об этом своему дворецкому. – Пен задумалась, потом усмехнулась: – А я ведь стала бы колотить в дверь кулаками.

Ради Гарриет Пен пошла бы на все, даже набросилась бы на Уолтера, графа Дэрроу. Она хмуро глянула на нынешнего графа Дэрроу.

Гарри еще секунду пристально на нее смотрел, потом широко улыбнулся, тотчас напомнив ей давно знакомого юношу.

– Как всегда бесстрашна. Господи, Пен, как я по тебе скучал.

Ах, хотелось бы и впрямь быть такой бесстрашной. Она тоже по нему очень скучала, но сдержалась и не сказала об этом. Нельзя полагаться на Гарри всерьез после столь долгой разлуки.

Он, правда, Гарриет заинтересовался.

– Расскажи мне о дочери, Пен. И о том, как ты жила все эти годы.

Ну что ж, все верно. Гарри ведь отец Гарриет. И вправе знать о дочери.

– Прекрасно. Давай присядем тут, под деревом.

Он подал ей руку, но Пен сделала вид, что не заметила этого.

– Садись, я подстелю свою куртку.

Пен рассмеялась.

– Гарри, это деревня. В этом платье я сидела на земле сотни раз.

Пен села под деревом и вспомнила, что у нее к Гарри есть вопрос, на который она непременно должна получить ответ.

– Зачем ты здесь? Ты сказал, что по поручению герцога. По поводу приюта?

Гарри сел слева от нее так, чтобы она могла видеть его лицо. Оно вновь было напряженным и непроницаемым.

– Приюта?

– Да. Приют – это Дом призрения и поддержки старых дев, вдов, брошенных женщин и их несчастных детей.

Гарри недоуменно поднял бровь.

– Его учредила вдова барона Хавенриджа Джо после самоубийства мужа, – начала рассказывать Пен. – Барон пустил себе пулю в лоб, проиграв в карты поместье Падлдон старому герцогу Грейнджеру. Герцог позволил Джо остаться в поместье и даже ежегодно присылал небольшое денежное содержание.

Стоит ли ей сейчас заговорить о том, что им необходима поддержка от нового герцога?

Нет, пока не стоит.

Гарри кивнул:

– Да, если все так и есть, в таком случае я действительно приехал в Литтл-Падлдон по поводу приюта. Но мы обсудим это потом. А сейчас... – Он обвел рукой то место, где они сидели. – Я хочу узнать все о Гарриет. Почему ты не сказала мне о ней раньше, Пен?

– Потому что...

Воспоминания, которые она пыталась оставить в прошлом, разом нахлынули на нее. Пен закрыла глаза, но от этого стало еще хуже.

Она перевела взгляд на воду.

Ни разу за все время с Гарри она не задумалась о риске забеременеть. Какой же дуручкой она была. Менструации начались у нее довольно поздно, когда ей уже стукнуло шестнадцать, за год до лета с Гарри, и были довольно нерегулярными. У нее не было ни матери, ни сестры, ни даже близкой подруги, у кого она могла бы спросить совета на этот счет. А уж о том, чтобы обсуждать эту тему с отцом, и речи быть не могло.

Когда Пен наконец заметила, что задержка месячных явно затягивается, она подумала, что такой перерыв и неотступно преследовавшее ее тягостное чувство связаны с депрессией. Пен страшно тосковала по Гарри после его отъезда. Он был не просто ее любовником. Он был ее другом, постоянным спутником, особенно в те последние месяцы.

И только заметив, какой мягкой стала ее грудь, а некоторые запахи вызывают дурноту, поняла, что беременна.

– Я очень долго ничего не понимала после того, как ты уехал из Англии. А потом не знала, где ты и как тебя найти. – Пен покраснела. – Но если бы даже знала... – Она запнулась. Ей не хотелось об этом говорить. Ее слова лишь подтвердили бы огромную разницу в их социальном положении. – Я не могла написать тебе, Гарри, потому что... – Ну говори, выскажи все! – Я не умела писать.

Гарри попытался скрыть свое удивление, но оно промелькнуло в его глазах.

– Теперь-то я умею и писать, и читать, – торопливо заверила Пен Гарри, будто оправдываясь. – Научилась, поселившись в приюте. И ты можешь быть уверен, я позаботилась, чтобы Гарриет росла грамотной. – Она не стала скрывать свою гордость дочерью. – Наша девочка очень способная.

Гарри кивнул:

– Замечательно.

Замечательно? Нет, это не просто замечательно, это куда важнее, это возможность для Гарриет не знать многих ограничений в жизни.

Кроме тех, что наложены обстоятельствами ее появления на свет.

– Да и какой был смысл в письмах тебе, даже если бы я и могла их написать? – произнесла Пен с явным вызовом в голосе. – Ты же не мог вернуться домой в разгар войны.

Да и без войны незачем было возвращаться. Единственное, для чего следовало бы приехать, так это чтобы жениться на Пен, избавив таким образом Гарриет от позорного пятна незаконнорожденной.

Но подобное не пришло бы ему в голову, да и ей тоже. Пен всегда понимала – и принимала – свое место в мире и в жизни Гарри.

Гарри пытался побороть раздиравшие его путанные эмоции. Первым делом, гнев от встречи с этим святошей.

«У меня есть дочь. У меня есть дочь уже десять лет без малого, а я об этом ничего не знал».

Он злился на Пен, хотя разум подсказывал ему, что она поступила правильно. Если Пен до самого его отъезда в Европу не знала о том, что беременна, позже ей было бы весьма непросто разыскать его, даже если бы кто-то и согласился помочь ей написать ему. Почти все время войны он был среди врагов. Более того, любое послание на английском, когда он выдавал себя то за француза, то за испанца, означало бы для него катастрофу.

«Но я уже год в Англии. И Пен теперь умеет писать, однако не написала ни строчки».

Кроме гнева его сердце и душу терзала неотступная боль, готовая поглотить его без остатка. Девять лет жизни его дочери прошли без него...

– И потом, моя жизнь была... достаточно сложной, – добавила Пен.

О боже! Его словно окатили ледяной водой. В памяти всплыло многое из того, что уже успело забыться.

– Как воспринял все это твой отец?

Как? Заехал ей кулаком в лицо.

Нрав у мистера Барнса был крутой, особенно в подпитии, что случалось с ним очень часто.

Пен бросила на Гарри быстрый взгляд и опять отвернулась к реке.

– Скверно воспринял.

Гарри напрягся. Весь его гнев обратился вовнутрь: это он во всем виноват.

Граф Дэрроу почувствовал себя последним негодяем.

«Мне следовало держать себя и свои желания в узде, когда я понял, что должен буду уехать, а значит, бросить Пен на произвол судьбы».

– Он тебя бил? – Гарри невольно сжал кулаки – захотелось отметить того, кто уже давным-давно пребывал в ином мире.

Все это бессмысленно. Гарри разжал кулаки.

Пен откинула длинную прядь волос с лица. Видимо, заколки выпали, когда на нее набросился этот подонок-священник.

«Они такие же шелковистые, как и в то лето, когда мы любили друг друга. И пахнут, наверное, все так же – мылом и солнцем. И... самой Пен».

Черт! Теперь к гневу и боли добавилось желание.

– Всего раз ударил.

Проклятье! Окажись отец Пен сейчас здесь, Гарри устроил бы ему такую взбучку, в сравнении с которой стычка со священником показалась бы дружеской потасовкой.

– Он требовал, чтобы я призналась, кто отец ребенка, а я не стала...

Годы, проведенные в тылу врага, переговоры с иностранными дипломатами научили Гарри скрывать эмоции, поэтому он смог удержаться от крика.

– Твой отец должен был знать.

Пен подняла с земли жухлый лист и принялась медленно рвать его на мелкие кусочки.

– Разумеется, он все прекрасно понимал. Просто ему хотелось услышать твое имя от меня, – то ли усмехнулась, то ли всхлипнула Пен.

Отцом мистер Барнс был скверным и безответственным, но уж никак не слепым.

«Почему, черт побери, я не задумался о репутации Пен или, что еще важнее, о том, что она могла забеременеть?»

Потому что был одержимым страстью...

Воспоминание о той поре пробудило в нем внезапный и жгучий приступ желаний.

Гарри сменил позу, чтобы скрыть симптомы желания.

Нельзя так распускаться. Он уже не зеленый юнец. Он зрелый, опытный двадцативосьмилетний мужчина, отлично знающий, что такое женщина, давно и мастерски освоивший науку удержания себя в узде.

Но только не с Пен. Волосы снова упали ей на лицо. Ему так хотелось тронуть их, коснуться ее гладких шелковистых прядей. Как он обожал касаться ее волос, позволять им щекотать его грудь, живот...

Гарри снова сменил позу.

– ...Он надумал встретиться с твоим отцом, – продолжила Пен. – Дескать, не сможет ли твой дорогой папаша подобрать для меня муженька из своих крестьян?

Именно так и поступал его отец, заминая последствия случек Уолтера.

– Но свободных крестьян под рукой не оказалось. Граф предложил сына кузнеца.

– Феликса?

– У кузнеца был только один сын, – печально улыбнулась Пен. – Я отказалась.

Слава богу. Хотя это могло бы стать разумным решением проблемы. Пен получила бы кров для себя и ребенка, а поскольку свадьбу сыграли бы до родов,

никаких сомнений в законнорожденности ребенка не возникло бы. Однако продать себя Пен просто не могла. Она никогда бы не согласилась выйти замуж за известного на всю округу волокиту и постоянно закрывать глаза на его бесчисленных любовниц.

– И отец согласился с твоим решением?

Отец Пен, конечно, никогда не оставил бы за ней право решать самой. Он должен был сделать это за нее. И сделал. Хотя Гарри прекрасно помнил этого человека и не сомневался, что тот мертвой хваткой вцепится в туго набитый кошель, надумай отец Гарри помахать им у него перед носом. Старый граф всегда предлагал деньги родителям забеременевших наложниц Уолтера, чтобы хоть как-то подсластить пилюлю расставания с дочерьми.

«Будь у меня дочь, я бы... О боже!»

Осознание собственного положения отрезвило его. Ведь у него есть дочь Гарриет, и ей уже девять лет. Она могла вырасти в доме Феликса, не сомневаясь, что Феликс – ее настоящий отец.

Отвращение, боль, злость, раскаяние, стыд – все перемешалось в душе Гарри.

– Нет, конечно, не согласился. У нас было очень, как бы это сказать, оживленное обсуждение вопроса.

Все внутри сжалось у Гарри при виде ироничной улыбки Пен.

– У меня был в руках нож для резки мяса, и он не решился снова наброситься на меня.

Гарри инстинктивно сжал кулаки.

«Мне следовало быть там».

И все-таки Пен удалось надежно защитить и себя, и свою дочь.

Их дочь. Гарриет. Разумеется, названную в его честь.

– Отец грозился вышвырнуть меня на улицу. Я напомнила ему, что уже конец августа, и решительно заявила, что не собираюсь ни за кого выходить замуж. Если уж он так хочет от меня избавиться, пусть позволит мне уехать к сестре моей матери, тете Маргарет, в Уэслинг. – Пен подняла глаза на Гарри. – Это деревня по соседству с Литтл-Падлдоном.

– Знаю. Я там останавливался спросить дорогу.

Это ее заинтересовало.

– И видел «Пьяную Овцу»?

– Видел.

Пен улыбнулась:

– И попробовал «Вдовьего пива»?

Гарри улыбнулся в ответ:

– Попробовал. Насколько я понимаю, его варят здесь, в Литтл-Падлдоне.

Она с гордостью сказала:

– Да. Я выращиваю хмель. Вот придешь в имение – увидишь наш хмельник. Что же тебе поручил герцог?

«А свою дочь я там увижу?»

Пока что он не мог задать ей этот вопрос. Да и ответ особого значения не имел. Гарри преисполнился решимости увидеть Гарриет, и непременно сообщить девочке, что он – ее настоящий отец.

Пен вернулась к своему рассказу.

– С большой неохотой отец пожертвовал мне несколько монет на поездку. – Она снова улыбнулась. – А в утро отъезда я еще парочку монет прихватила из кувшина, который, как думал отец, был надежно спрятан под половицей в гостиной.

Пен всегда была сообразительной и не стеснялась взять свое. Иначе ей бы не выжить. Мать у нее умерла, когда она была еще крошкой, а отец нередко прикладывался к бутылке.

– Но между Дэрроу и Уэслингом не ходит дилижанс. Нет хороших дорог. – Гарри потребовался бы не один день, чтобы добраться туда даже на Аяксе.

– Меня подвозили крестьяне, – пожала плечами Пен. – Или я просто шла пешком.

У него похолодело внутри. Она же осталась совсем одна! А если бы ей повстречался разбойник или просто негодяй? Только что она убедилась, что даже священникам не всегда довериться можно.

Гарри всегда преклонялся перед мужеством и решительностью Пен, но иногда ее поведение граничило с непростительным упрямством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/makkenzi_salli/op-yanennyuy-lyubov-yu

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)